

ВИКТОР МАРИ ГЮГО, БУКРХАРТ
ТИТУС

АЛХИМИЯ И НОТР-ДАМ ДЕ ПАРИ

Коллекция «Гарфанг»

Виктор Мари Гюго

Алхимия и Нотр-дам де пари

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Гюго В.

Алхимия и Нотр-дам де пари / В. Гюго — «ЭННЕАГОН
ПРЕСС», — (Коллекция «Гарфанг»)

ISBN 5-7859-0219-4

Роман Виктора Гюго «Нотр-Дам де Пари» сложен и многозначен. Алхимическая идеология направляет помыслы и жизнь одного из главных героев — архидьякона Клода Фролля. В настоящей книге сделана попытка посмотреть на роман с герметической точки зрения. Для этой цели привлечена работа известного философа-традиционалиста Титуса Буркхарта (1908—1984) «Алхимия».

ISBN 5-7859-0219-4

© Гюго В.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

От редакции	5
Титус Баркхарт	6
Виктор Гюго	36
Эсмеральда	36
Из Харибды в Сциллу	38
Гревская площадь	40
Besos para golpes3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алхимия и Нотр-Дам де Пари

От редакции

Клод Фролло смотрел, как вешают Эсмеральду, потом, подброшенный рукой монстра Квазимодо, полетел неизвестно куда, в сомнительную потусторонность. Прямо скажем, грустный финал жизненного пути столь ученого алхимика. Королевское искусство, надо полагать, занятие не столь безопасное, как можно предположить, глядя на лабораторных герметиков, пребывающих среди манускриптов и реторт.

Надо честно признаться: мы ничего не понимаем в алхимии, несмотря на множество изданных в последнее время работ. Что такое земля, вода, воздух, огонь? Английский поэт Джон Донн еще в конце шестнадцатого века сказал: «Солнце потеряно и земля. И никто не знает, где их теперь искать».

«Нотр-Дам де Пари» – роман многоплановый, и герметика – одна из сюжетных линий сложного контрапункта. Поэтому мы решили напечатать «герметическую» часть романа, памятуя, что читателям заинтересованным не составит труда прочитать эту популярную книгу целиком (фрагменты романа «Собор Парижской Богоматери» печатаются по Собранию сочинений Виктора Гюго издательства «Художественная литература», Москва, 1953).

Работа Титуса Буркхарта «Алхимия» тоже дается в извлечениях.

Титус Баркхарт

Алхимия

Перевод с немецкого Евгения Головина

От «века просвещения» и до наших дней принято расценивать алхимию как примитивную форму современной химии. Вот почему большинство эрудитов вычитывают в ее литературе только описания первых этапов позднейших химических открытий. И вправду встречаются там изложения тех или иных химических экспериментов, касающихся металлов, красок, стекла, – экспериментов, иногда осуществимых с помощью современной технологии. Однако алхимия в чистом смысле – «великий магистерий» герметических авторов – явление совсем другого плана: несмотря на выражения из области металлургии, коим эти авторы отдают предпочтение, натура операций совершенно иная, нежели в химии. С точки зрения современной науки операции эти или процессы не просто ошибочны: они откровенно абсурдны. Полагают, что неутомимая жажда золота погружала алхимиков – прилежных ювелиров, мастеров по изготовлению красок и стекол, и вообще, людей разумных, – в химерические поиски, где фантазмагории расплывались в наивном эмпиризме.

Если бы дело обстояло так, алхимическое произведение каждый раз было бы импровизацией. Ничего подобного нет: магистерий обнаруживает безусловный принцип единства, далекий от неопределенности авантюры, обладает параметрами «искусства» – доктриной и методом, которые передаются от учителя к ученику и общий характер коих, сколь возможно судить по символическим описаниям, приблизительно один и тот же как в античности, так и в Новое время, как на Западе, так и на Дальнем Востоке. Чтобы знание, откровенно абсурдное, несмотря на бесчисленные разочарования и провалы, удержалось с такой настойчивостью и верностью в цивилизациях столь различных – сей невероятный факт, похоже, никого не удивляет. Либо алхимики в страстных самообольщениях культивировали миф, разоблаченный природой тысячу раз, либо их эксперимент разыгрывался на другом плане реальности, неизвестном современной эмпирической науке.

Говоря логически, две альтернативы не имеют шанса одновременного пребывания. Однако не для современной «глубинной психологии» – она ищет в алхимическом символизме доказательства своей тезы о «коллективном бессознательном». Согласно данной тезе, алхимик проецирует на свой поиск, весьма сомнамбулический, энергии собственной души, до этого ему неизвестные, и, не отдавая в том отчета, устанавливает нечто вроде связи между своим обычным поверхностным сознанием и латентными потенциями «коллективного бессознательного». Подобная «связь» сознательного и бессознательного пробуждает внутреннее брожение – алхимик субъективно трактует это как процесс достижения желательного магистерия. Такой взгляд на вещи равным образом предполагает, что начальная интенция алхимика – фабрикация золота. Алхимик рассматривается как пленник, захваченный, обманутый собственной имажинативной «проекцией», думающий и функционирующий на манер сомнамбулы. Объяснение соблазнительное, приближающееся к истине для того, чтобы радикально от нее удалиться. Действительно, духовная реальность, которая открывается в алхимическом производстве, довольно-таки бессознательна для неофита. Это реальность, глубоко затаенная в душе. Однако нельзя смешивать «тайную глубину» с хаосом «коллективного бессознательного», даже если признать за этой более чем эластичной концепцией какую-либо ценность. Алхимический «фонтан юности» не вырывается из темной психической бездны, а течет из источника вневременной истины. Фонтан скрыт от алхимика в начале «действия», поскольку находится не под феноменами ординарного сознания, а над ними, на уровне крайне высоком.

Гипотеза психологов рассеивается в ясном понимании: настоящие алхимики никогда не пленялись алчной грезой фабрикации золота и не преследовали свою цель сомнамбулически или согласно игре пассивных «проекций» бессознательного. Совершенно напротив: они покорялись хорошо изученному методу, символически выраженному в терминах металлургии, искусства трансмутации обычных металлов в серебро или золото, что, очевидно, сбивало с толку неквалифицированных искателей. Метод, логичный и глубокий, здесь неповинен.

* * *

Алхимия известна по меньшей мере с середины первого тысячелетия до Иисуса Христа и, вероятно, возникла в начале железного века. Каким образом могла она существовать столь долго и в цивилизациях столь несхожих – Дальнего и Ближнего Востока? На этот вопрос большинство историков отвечают так: человек везде человек, он всегда подвергался искушению быстрого обогащения, тешась иллюзией трансмутации обычных металлов в золото или серебро, пока экспериментальная химия девятнадцатого столетия не доказала, что один металл нельзя обратить в другой. На самом деле это не соответствует истине, а зачастую противоположно ей...

Золото и серебро были сакральными металлами задолго до любых коммерческих трансакций: они суть земное отражение солнца, луны, высоких реальностей духа и души, связанных с небесной диадой. До Средних веков, по крайней мере, ценности двух благородных металлов определялись в зависимости от обращения двух небесных тел. На древних монетах часто изображались фигуры и знаки солнца и его годового цикла. Для людей дорационалистических эпох связь двух благородных металлов и двух небесных светочей очевидна: понадобилась плотная туча механистических понятий и предрассудков, дабы затмить ясность этой связи и представить оную простым эстетическим акцидентом.

Алхимия

Впрочем, не надо путать символ с обыкновенной аллегорией или пытаться выискивать в символе какое-нибудь «коллективное бессознательное», иррациональное и смутное. Истинный символизм подразумевает следующее: данности, различные по времени, пространству, материальной природе и другим параметрам, могут, однако, манифестировать единое эйдетическое качество. Они проявляются разными отражениями, разными воплощениями независимой от пространства и времени реальности. Поэтому нельзя безусловно утверждать, что золото обозначает солнце, а серебро – луну: два благородных металла и две звезды просто символизируют две космические или божественные реальности.

Магия золота зависит прежде всего от сакральной сущности этого металла или его качественного совершенства и только потом от его экономической ценности. В силу магических свойств золота и серебра, получение их предполагало сакральную активность; аналогичным образом, чеканка золотой и серебряной монеты была исключительной привилегией сакральных центров. До сих пор металлургические процессы получения золота и серебра, сохраненные с незапамятных времен в так называемых примитивных обществах, изобилуют приметами их культового происхождения. В цивилизациях «архаических», где нет разделения на «духовное» и «профаническое» и всякая вещь видится в перспективе внутреннего единства человека и космоса, работа с минералом и металлом всегда почиталась священной. Привилегия оставалась у жреческой касты, призванной к этой практике божественным установлением. Если подобного не случалось, как в некоторых африканских племенах, не обладавших подлинной металлургической традицией, кузнец, из-за своего вторжения в святая святых природы, подзревался в черной магии. Интуиция глубокой взаимосвязи человеческой души и природной иерархии кажется современному человеку суеверием. Однако человек «примитивный», не располагающий, сравнительно с нами, массой исторических сведений по обработке металлов, тем не менее прекрасно знает, что извлечение минеральной породы из «внутренностей» земли и жестокое очищение огнем – операции зловещие и очень опасные. Для «архаического» человечества рождение металлургии не столько «открытие», сколько «откровение» – только божественное установление разрешало подобную деятельность. И с самого начала такое откровение небезопасно и требует особой осторожности со стороны деятеля. Как и внешняя работа с минералом и огнем связана с насилием определенного рода, так и влияние на дух и душу, неизбежные в данном ремесле, имеют характер энергичный и обоюдоострый. Извлечение благородных металлов из смешанной породы с помощью элементов растворяющих и очищающих – например, ртути и сурьмы в соединении с огнем – невозможно без преодоления мрачных и хаотичных сил натуры; реализация «внутреннего серебра» или «внутреннего золота» – в их чистоте и нетленной озаренности – невозможна без преодоления иррациональных и темных тенденций души.

Следующий отрывок из автобиографии жителя Сенегала доказывает, что в некоторых африканских племенах выплавка золота и поныне расценивается как искусство сакральное.

«...По знаку моего отца подручные привели в действие два кожаных меха справа и слева от горна и соединенных с ним глиняными трубками... Отец длинными клещами схватил котел и поставил на огонь. В мастерской замерло всякое движение: пока золото плавится, а затем охлаждается, нельзя поблизости работать с медью или алюминием, дабы частицы этих низких металлов не попали в котел. Только сталь не мешает делу. Но те, кто хлопотали близ нее, закончили работу и подошли к подручным моего отца. Слишком стесненный, отец их отстранил простым жестом: он не сказал ни слова, никто ничего не говорил, даже колдун. Слышалось только посвистыванье мехов и легкое шипение золотой массы. Но, если отец и не произносил слов, я знал, что они рождаются, шевелят его губы, когда, склонясь над котлом, он перемешивал уголь и золото концом палки, которая сразу воспламенялась, и приходилось ее менять.

От каких же слов шевелились его губы? Не знаю, не знаю точно, ничего мне не сообщалось. Но что другое, если не эвокации? Не заклинал ли он духов огня и золота, огня и ветра, ветра, свистящего в трубках, огня, рожденного из ветра... не заклинал ли он свадьбу золота и огня, не призывал ли духов на помощь? Да, там плясали они, и без них ничего бы не было...

И неудивительно ли, что маленькая черная змея подползла и свернулась вокруг одного из мехов. Она отнюдь не часто являлась в гости к отцу, но всегда присутствовала при плавке золота...

Тот, кто плавит золото, должен предварительно тщательно вымыться и, конечно, воздерживаться на все время работы от сексуальной близости...»

Есть внутреннее золото, вернее, золото обладает реальностью внутренней и внешней, это очевидно для созерцательного разума, способного видеть один и тот же «эйдос» в золоте и солнце. Здесь, и только здесь, корень алхимии.

Ее начало – в сакральном искусстве Древнего Египта. Данная алхимическая традиция распространилась по всей Европе и Ближнему Востоку, повлияла, возможно, на весьма аналогичную традицию в Индии. Ее основатель – Гермес Трисмегист (Трижды Величайший), которого идентифицировали с богом Тотом Древнего Египта – покровителем всех сакральных искусств и наук, наподобие Ганеши в индуизме. Слово «alchimia» происходит от арабского «al-kīmīya», рожденного, очевидно, от древнеегипетского «kēmi», относящегося к «черной земле», – так называли Египет, и слово символизирует, вероятно, *materia prima* алхимиков. Не исключена коннотация греческого «chyma» (плавление). Во всяком случае, самые древние алхимические тексты сохранены на папирусах, датированных последней эпохой египетской цивилизации. Отсутствие более ранних документов объяснимо: сакральное искусство алхимии передавалось только устно, необходимость письменной фиксации – первый знак декаданса или страха эвентуальной гибели традиции. Вполне понятно, что *Corpus Hermeticum*, обнимающий все тексты, приписываемые Гермесу-Тоту, дошел до нас не на египетском, а на греческом. И если спросят, почему в этих текстах ощутима типично платоническая лексика, мы ответим: можно с таким же успехом сказать, что сочинения Платона отмечены безусловной сигнатурой герметизма. Духовная потенция и широта герметических текстов доказывает: здесь подлинная традиция и ни в коей мере не псевдоархаическая фабрикация. К текстам *Corpus Hermeticum* относится и так называемая «Изумрудная скрижаль». Это откровение Гермеса Трисмегиста всегда почиталось арабскими и латинскими алхимиками сводом законов их искусства. И хотя мы не обладаем оригинальным текстом – до нас дошли только арабские и латинские переводы, – содержание текста – лучшее свидетельство его подлинности.

В пользу египетского происхождения алхимии Ближнего Востока и Запада говорит следующее: серия технических процессов, имеющих отношение к алхимии, и соответствующие символические выражения первоначально упоминались в папирусах и финально – в книгах Средневековья. Цели и проблемы вполне аналогичны: наряду с разнообразными рекомендациями по работе с металлом и приготовлению тинктур, там находятся рецепты по выделке искусственных драгоценных камней и цветного стекла – эти ремесла всего пышней расцветали именно в Египте. Впрочем, даже дух египетского искусства, его тенденция к извлечению из материи редких и таинственных «квинтэссенций», родствен алхимии.

Со времен античности наблюдаются два течения в алхимии. В одном – характера прикладного и ремесленного – символика «внутреннего магистерия» проявляется как нечто параллельное профессиональной активности и упоминается только от случая к случаю; в другом – металлургические процессы суть аналогии – можно даже усомниться, использовались ли они когда-нибудь на «внешнем» плане. Это приводит к различению алхимии ремесленной, предположительно самой древней, от алхимии мистической, более поздней. В принципе здесь только два аспекта единой традиции.

Спросят, без сомнения, каким образом алхимия с ее мифологической основой интегрировалась в монотеистические религии – иудаизм, христианство, ислам? Поскольку присущая алхимии космологическая перспектива органически связана с древнейшей металлургией, ее адаптировали просто как науку о природе (*physis*) в самом широком смысле: точно так же ислам и христианство усвоили пифагорейскую традицию в музыке и архитектуре и ассимилировали соответствующую гармоническую эманацию.

С точки зрения христианской, алхимия – своего рода натуральное зеркало Откровения: философский камень, изменяющий металлы «низкие» в серебро и золото, – символ Христа, возникновение этого камня из «необжигающего огня» серы и «перманентной воды» ртути напоминает рождения Христа – Иммануила.

Христианская вера духовно оплодотворила алхимию, тогда как последняя привела христианство к пути «гнозы» посредством созерцания природы.

Еще легче герметика проникла в спиритуальную вселенную ислама, ибо его последователи всегда были склонны признать древнее знание, которое в аспекте «мудрости» (*hikmah*) представляло наследие прежних пророков. В мусульманском мире Гермес Трисмегист часто идентифицировался с Энохом (*Idris*). Доктрина «единства бытия» (*wahdat al wujud*) – эзотерическая интерпретация кодекса исламской веры – дала герметике новую духовную ось или, другими словами, вернула широту ее духовному горизонту.

Как и всякая живая традиция, алхимия притягивает элементы, родственные ее собственному космосу, – отсюда частая теоретическая интерпретация мифов и символов иных традиций. Однако она всегда хранит определенные черты, печать своей подлинности: это план «магистерия» в его разных фазах, описанный в специфических терминах и обозначенный чередованием «цветов».

Поначалу алхимия проникла в христианство из Византии, затем, более интенсивно, через завоеванную арабами Испанию. В мусульманском мире алхимия расцвела необычайно. Ябир ибн Хайян, ученик шестого шиитского имама, основал в восьмом веке нашей эры школу, откуда расходились сотни алхимических текстов. И вероятно, потому, что имя Ябира стало «гарантией подлинности» традиции, автор *Summa Perfectionis* – итальянец или каталонец тринадцатого века – присвоил его под латинизированной формой Гебера.

В эпоху Ренессанса, вместе с великим вторжением греческой литературы, по Западу прошла новая волна византийской алхимии. В шестнадцатом и семнадцатом столетиях были напечатаны многочисленные алхимические произведения, известные доселе в рукописях только малому кругу посвященных. Изучение герметики достигло новой вершины, но лишь для того, чтобы вскоре ослабеть и снизиться. Часто считают семнадцатый век апогеем европейской герметики. На самом деле декаданс начался уже в пятнадцатом веке одновременно с развитием западной мысли в сторону гуманизма и рационализма, поскольку скепсис расшатал любую доктрину, основанную на интуитивном познании. Правда, непосредственно перед современной эпохой элементы подлинной гнозы, отброшенные из области теологии в силу исключительно этической тенденции позднего христианского мистицизма и агностического хода реформации, остались в спекулятивной алхимии. Этим, несомненно, объясняются отзвуки герметической традиции в произведениях Шекспира, Якоба Бёме или Иоганна Георга Гихтеля.

Спровоцированная алхимией медицина прожила дольше. Парацельс назвал ее «спагирией», что соответствует алхимическим «*solve*» и «*coagula*».

В общем и целом европейская алхимия Ренессанса и постренессанса имеет фрагментарный характер: это искусство ректификации и сублимации, лишенное метафизических основ. Данное замечание особенно применимо к восемнадцатому веку, несмотря на то, что среди «сжигателей угля» числились такие гениальные люди, как Ньютон и Гете.

Нам кажется уместным весьма категорическое замечание: не существует «либеральной» алхимии, враждебной религии. Принимая человеческую ситуацию со всеми ее достоинствами и ущербностью, любое спиритуальное искусство не может игнорировать путей спасения. Наличие дохристианской алхимии не доказывает ничего противного: алхимия всегда была органической частью традиции, обнимающей все аспекты человеческого бытия. Что касается истин, явленных христианством, более или менее скрытых от античности, алхимия могла их принять, не опасаясь самоубийства. Seriously заблуждаются те, кто почитают алхимию самодостаточной религией или даже тайным язычеством. Подобная позиция парализует силы, собранные для реализации внутреннего магистерия. «Дух веет, где хочет», нельзя догматически лимитировать его манифестации – однако он не веет там, где отрицают одно из его откровений.

Мы не собираемся долго распространяться об истории алхимии, в подробностях, впрочем, неизвестной, поскольку любое эзотерическое учение всегда передавалось устно. Надо,

однако, заметить напоследок: алхимические тексты как в отношении источников, так и в отношении авторов часто представлены именами воображаемыми и без какой-либо хронологической связи, что никак не снижает ценность данных текстов: историческая последовательность и алхимическое знание не имеют ничего общего. Имена (как в случае Гебера) призваны указать некую «цепь» традиции, а не конкретного автора. Что касается подлинности герметического текста, то есть вопроса, отражает ли он реальное познание, реальный герметический эксперимент или является фактом досужим и случайным, здесь нельзя ответить филологическим исследованием или сравнением с научной химией: главный критерий – духовное единство традиции.

Лечение больного короля.
Исаак Холландус (XVII в.)

* * *

В нашем произведении о принципах и методах сакрального искусства мы не один раз обращались к алхимии, изучая творчество артиста не в смысле канонов эстетики, но согласно традиции. Имеется в виду творческий метод как трансмутация, или возрождение, души. Алхимия равным образом именуется ее мастерами искусством и даже «королевским искусством» («*ars regia*»). Трансмутация металлов низких в металлы благородные – высокоэволютивный символ внутреннего процесса. Можно назвать алхимию искусством трансмутации души. Подобное определение несколько не принижает мастеров, знающих и практикующих металлургические операции, например пурификацию и лигатуру: однако их подлинное дело, в котором все эти операции играют роль материального подтверждения или динамических символов, – трансмутация души. Здесь мнения алхимиков едины. В «Книге из семи глав», приписываемой Гермесу Трисмегисту, читаем: «... теперь хочу объявить ранее скрытое. Действо (алхимическое) с вами и при вас; вы найдете его в вас самих, где оно постоянно; вы найдете его везде, где бы вы ни были – на суше или на море...» В знаменитом диалоге арабского короля Халида и мудреца Мориена (или Мариана) король спрашивает, где можно отыскать необходимую субстанцию для алхимического действия. Мориен молчит, затем после долгих колебаний отвечает: «О король, поведаю тебе истину: милостью Божией, эта субстанция пребывает в тебе, и куда бы ты ни уехал, она останется в тебе, и нельзя вас разделить».

В отличие от иных сакральных искусств, алхимическое произведение не представлено на внешнем плане, как музыка или архитектура: это внутреннее свершение. Трансмутация свинца в золото – финал алхимического действия – далеко превосходит любое ремесло. Чудесный характер процесса, «прыжок», который природа, согласно алхимикам, способна совершить лишь за непредсказуемо долгое время, проявляет различие возможностей тела и души. Растворение, кристаллизация, плавление, кальцинация минерала – все в известной степени отражает скрытые изменения души, но вещество ограничено определенными пределами, тогда как душа преодолевает «психические» границы, встречаясь с Духом, не связанным никакой формой. Свинец представляет хаотическое, инертное, болезненное состояние металла, золото – «материальный свет», «земное солнце» – выражает одновременно металлическую перфекцию и человеческое совершенство. Согласно принятой у алхимиков концепции, золото – истинная цель металлической натуры, все остальные металлы только подготовительные этапы, или эксперименты, в перспективе этой цели. Золото одно обладает гармоническим эквilibром всех металлических свойств и потому обладает вечностью. «У меди не угасает желание стать золотом», – сказал Майстер Экхарт, имея в виду томление души по вечности. Напрасно упрекают алхимиков в стремлении фабриковать золото из металлов обычных по разным тайным формулам, в которые они наивно верили. Охотников до такого времяпровождения называли «сжигателями угля»: не зная живой алхимической традиции, основываясь лишь на изучении текстов, они трактовали эти тексты в буквальном смысле и тратили массу усилий в тщетной мечте реализации «великого магистерия».

Поскольку алхимия ведет человека к завоеванию вечного бытия, вполне возможно сравнить ее с мистицизмом. Показательно, что мистики христианские, и еще более мусульманские, адаптировали алхимические выражения и символы, касающиеся духовного овладения человеческой ситуацией, возвращения к центру или духовному парадизу, согласно упованиям трех монотеистических религий. Алхимик Николá Фламель (1330—1417), используя язык христианской веры, писал, что магистерий «...изменяет дурного человека в доброго, отсекает корень

сугубого греха – алчности, делает человека спокойным, религиозным и богобоязненным, сколь бы ни был он зол прежде, восхищает его в бесконечное милосердие и глубину дивных замыслов Божиих...»

Сущность и цель мистицизма – приобщение, причастность Богу. Алхимия не говорит об этом. Но ее объединяет с мистицизмом вера в первичное благородство человеческой природы; несмотря на бездну, разделяющую Бога и человека, несмотря на падение, уничтожившее «теоморфизм» Адама, надо обрести чистоту человеческого символа перед тем, как человеческая форма может быть реинтегрирована в свой бесконечный и божественный архетип. В спиритуальном своем значении трансмутация свинца в золото есть не что иное, как реинтеграция человеческой природы в ее первичном свете. Неповторимого качества золота, понятно, нельзя добиться простым сложением металлических свойств, таких как масса, твердость, колорит и т. д., точно так же «адамическое» совершенство есть не одно лишь собрание добродетелей. Оно неповторимо, подобно золоту, и человек, его «реализующий», не сравним с другими. Все в нем «первозданно» в смысле пробуждения изначального принципа. И поскольку реализация этого состояния относится к мистицизму, алхимия в известном плане путь параллельный.

Однако «стиль» алхимического символизма столь отличен от теологии, что зачастую алхимию определяют как «мистицизм без Бога». Определение, безусловно, несправедливо, ибо алхимия – ветвь или «оперативное измерение» герметизма, полностью ориентированного на трансцендентный источник всякого бытия. Алхимия предполагает веру – почти все мастера настаивают на практике молитвы. Алхимия сама по себе как метод или искусство не обладает собственной теологической структурой. Но, не будучи а priori ни теологией, ни моралью, она рассматривает игру психических возможностей с точки зрения чисто космологической и трактует душу как «субстанцию», которую необходимо очистить, растворить и заново кристаллизовать. Она действует как наука или искусство природы, и для нее все состояния сознания – только аспекты единой «натуры», объединяющей внешнее (формы телесные и чувственные) и внутреннее, то есть невидимые формы души.

При этом алхимию нельзя упрекнуть в обычном прагматизме, лишенном спиритуальной перспективы. Ее духовная сущность таится в более или менее конкретном символизме, призванном установить аналогию между царством минеральным и континуумом души, – подобная аналогия обусловлена качественной визией материальных вещей, своего рода внутренним зрением, которое пронизывает психические реальности «материально», то есть объективно и конкретно. Другими словами, алхимическая космология – доктрина бытия, онтология. Металлургический символ не просто формула или приблизительное описание внутреннего процесса, но, как любой истинный символ, откровение.

В силу своего «внеиндивидуального» взгляда на мир и душу, алхимия скорее «путь познания» (гнозы), нежели «путь любви», ибо проблема гнозы – не в еретическом, а в действительном смысле слова – «объективное» изучение связи души и «я». У мистиков, ориентированных на «путь познания», довольно часто встречается алхимическая манера выражения. Термин «мистика» происходит от «мистерии», от греческого глагола *myein* (молчать); мистика, равно как и алхимия, избегает интерпретации рациональной.

Алхимическая доктрина окутана загадками и тайнами еще потому, что отнюдь не предназначена для всех и каждого. «Королевское искусство» предполагает кроме высоких интеллектуальных возможностей определенную диспозицию души – при отсутствии таковой практика алхимии представляет серьезную опасность. «Разве тебе неведомо, – писал Артефий, знаменитый средневековый алхимик, – что наше искусство есть кабастика. Я хочу сказать, оно таинственно и его открывают только устно. И ты, глупец, думаешь в простоте своей, что мы явно и ясно будем излагать самый великий и важный из всех секретов? Разве следует понимать буквально наши слова? Уверяю тебя (ибо я откровенней других философов), уверяю тебя: тот, кто хочет объяснить сочинения философов согласно ординарному и буквальному смыслу

слов, запутается в лабиринте, из коего никогда не выйдет, ибо не обладает путеводной нитью Ариадны». Синезий, живший, вероятно, в четвертом веке н. э., высказывался сходно: «Они (истинные алхимики) выражаются символами, метафорами, образами, дабы их поняли только святые, мудрецы и разумом одаренные люди. Они соблюдают в своих произведениях некий метод и некое правило – человек знающий сообразит и, заблуждаясь иной раз, в конце концов раскроет секрет». Гебер, резюмируя в своей «Summa» средневековую алхимическую науку, декларирует: «Не надо писать о магистерии совсем загадочно и не надо также объяснять слишком ясно и доступно. Я предпочитаю излагать так, чтобы мудрые поняли, умы посредственные заблудились, а дураки и безумцы сломали головы». Поразительно, что, несмотря на подобные утверждения, которых можно процитировать предостаточно, столько людей – особенно в семнадцатом и восемнадцатом веках – верили, что, тщательно изучив тексты, можно найти способ фабрикации золота. Алхимические авторы действительно часто намекали, что оберегают секрет, дабы воспрепятствовать недостойным приобрести опасное могущество. Они использовали неизбежное недоразумение, удерживая на расстоянии неквалифицированных искателей. Но они никогда не говорили о цели материальной, не делая при этом аллюзии на истинную цель. От человека, охваченного страстью сугубо земной, подлинная суть ускользнет всегда. Читаем в «Герметическом триумфе»: «Философский камень (с помощью коего низкие металлы превращаются в золото) обеспечивает долгую жизнь и освобождает от болезней, доставляет больше золота и серебра, нежели имеется у всех могучих завоевателей вместе взятых. Но этот камень отличается самым удивительным свойством: один его вид преисполняет счастьем обладателя, который никогда не боится его потерять». Первая фраза, похоже, подтверждает поверхностную интерпретацию алхимии, но вторая указывает достаточно ясно, что обладание камнем – данность внутренняя и духовная. В уже упомянутой «Книге из семи глав» – аналогичная идея: «С помощью Бога всемогущего камень избавит вас от любых болезней и прибавит здоровья на будущее, сохранит от страданий и печалей, телесных и духовных терзаний. Он приведет вас от мрака к свету, из пустыни в дом, от необходимости к свободе». Двойной смысл всех этих цитат подчеркивает часто выраженную интенцию дать знание «достойному» и запутать «глупца».

Алхимическая манера высказываться со всеми ее «герметическими» умолчаниями вовсе не прихоть того или иного автора. В приложении к своей известной «Summa» Гебер пишет следующее: «Каждый раз, когда кажется, будто я излагаю нашу науку ясно и открыто, именно тогда объект исследования затемняется почти полностью. И тем не менее я не стремлюсь нарочно сокрыть алхимическое действо за аллегориями и тайнами, но стараюсь отразить четко и разумно открытое по вдохновению от Бога всемогущего и бесконечно милостивого: Он благоволил наделить, в Его святой воле отнять...» Но, с другой стороны, учения алхимиков составлены таким образом, чтобы в процессе чтения «волки от овцы» отделялись. Гебер уточняет далее: «Считаю должным заметить, что в этой «Summa» я не трактовал нашу науку последовательно, а рассеял по различным главам. Сие сделано намеренно, ибо в противном случае люди дурные, употребляющие знание во зло, проведут секрет наравне с добрыми...»

При изучении экспозиции Гебера в ее металлургической терминологии и более или менее прикладных описаниях химического процесса поражают удивительные скачки его мысли: автор, не упоминаящий ранее никакой «субстанции» (в применении к действию), вдруг советует: «А теперь возьми эту, хорошо знакомую тебе субстанцию и помести ее в сосуд...» Или вдруг, после долгого рассуждения о невозможности трансмутации внешними средствами, он говорит о некой «фармакопее, которая лечит все больные металлы», изменяя их в серебро или золото. Логическое движение наталкивается на препятствие – такова цель подобной манеры письма. Неофит вынужден остановиться у границы разума (ratio) и в конце концов, как сказал Гебер по поводу своего личного эксперимента, поразмыслить о сущности своего индивидуального бытия: «Возвращаясь к собственной сути, размышляя о том, как натура творит металлы в

недрах земли, я распознал истинную материю, которая позволяет здесь, на земле, оные совершенствовать».

Алхимик должен перешагнуть этот интеллектуальный порог. Моральное испытание, как мы знаем, есть искушение использовать алхимию ради фабрикации золота. Алхимики часто настаивают: одна из главных трудностей работы – жадность, алчность. Этот грех можно сравнить с гордыней на «пути любви» или с иллюзией «я» на пути познания. «Алчность» в данном случае – одно из имен эгоцентризма, потакания страстям, пренебрежения к чему бы то ни было за пределами эго. Впрочем, одно из правил ученика Гермеса гласит: следует искать трансмутации элементов только ради помощи бедным или взыскующей природе вообще, что напоминает буддийский обет, звучащий примерно так: надо стремиться к более высокому озарению только ради блага всех креатур. Милосердие спасает нас от изощренности эго, которое во всякой деятельности преследует свое собственное отражение.

Могут, однако, возразить: не является ли наша попытка пояснить алхимическое знание нарушением первого постулата алхимиков, предписывающего умолчание и скрытность в данной области? На это следует ответить: никакими словами нельзя досконально интерпретировать символы, хранящие ключ глубокого секрета алхимии. Можно рассказать с той или иной степенью достоверности о космологических доктринах, о взглядах на человека и природу, о главных принципах «королевского искусства». И если бы даже удалось полностью объяснить герметическое действо, всегда останется нечто непередаваемое, но необходимое для его завершения. Подобно любому сакральному искусству в истинном смысле слова (то есть подобно любому «методу», ведущему к реализации сверхиндивидуальных ситуаций сознания), алхимия зависит от посвящения. Разрешение к началу работы над магистерием должно быть получено от мастера: только в исключительных случаях расступается инициатическая цепь, только очень редко духовное озарение взрывается неожиданно. В беседе короля Халида с мудрецом Мориеном находим следующий пассаж: «Одного желания здесь мало, необходимо одобрение мастера. Таково основание нашего искусства. Необходимо, чтобы мастер часто работал в присутствии ученика. Того, кто знает последовательность действия и размеренность эксперимента, нельзя поравнять с книгочеем, сколь угодно пытливым...» И вот слова алхимика Дениса Захария: «Я хочу, чтобы они, прежде всего, узнали, если еще не знают: эта божественная философия неподвластна ни людям, ни книгам. Напрасны усилия до тех пор, пока Бог не вдохновит наши сердца Духом Святым или избранника своего откровением».

* * *

Герметическое воззрение основывается на аналогии между вселенной-макрокосмосом и человеком-микрокосмосом: осевое средоточие подобной аналогии – Дух, или Интеллект, – первая «эманация» абсолютного «единого».

Вселенная и человек взаимно отражаются: содержание вселенной должно в известном смысле находить аналог в человеке. Можно лучше понять сие соответствие, если свести его, хотя бы предварительно, к отношению между субъектом и объектом, познающим и познаваемым: мир как объект появляется в зеркале человеческого субъекта – мир невозможно воспринять вне этого последнего; субъект, или зеркало, равным образом, характеризуется качеством отражения. Не существует объекта без субъекта, и наоборот.

Эмпирически субъект идентифицируется с «я», которое в свою очередь идентифицируется с телом. Субъект не только разбивается индивидуальной перспективой и окрашивается чувствами, но еще и «подчиняется» объективному миру, о чем говорит само слово «субъект». Возникает нечто вроде оптической иллюзии: если субъект – внутренний полюс познания – только источник чисто индивидуальной сенсорности, связанный с телом и подчиненный его законам, он ни в коем случае не может быть «мерой» своего объекта, и тогда всестороннее

познание мира исключено. Конечно, наше познание фрагментарно и не в силах охватить объект глобально – оно вполне косвенно и не выходит из дуализма объект–субъект. И тем не менее познание это несет некий реальный адекват и входит в универсальную Истину, ведь иначе наш опыт в мире был бы только бессвязным и абсурдным сновидением, если можно вообще как-то определить отсутствие всякого элемента достоверности, и не было бы точек соприкосновения между вещами и нашим разумением или между различными «мирами» различных сновидцев.

Вселенная – это неопределенное множество субъектов, коим противостоит столь же неопределенное множество объектов. Во всем этом присутствует достаточная непрерывность; область «объективная», соответствующая тому или иному субъекту, плавно проникает в ансамбль субъективно-объективных реальностей, и каждый субъект воспринимает мир по-своему, на присущий ему манер, поскольку все индивидуальные субъекты суть поляризации, более или менее четкие, единого универсального субъекта, Духа, или Интеллекта.

В то же время ясно, что универсальный Интеллект трансцендентен полярности субъект–объект: являя для себя свой собственный объект, он содержит эйдетически все возможности внутренней и внешней объективизации. Зачастую его легче представляют «субъектом», так как для человека «полюс субъекта» расположен интериорно: именно во внутреннем континууме ищут доступа к Духу. Разумеется, есть «объекты» интериорные, порядка психического и даже абстрактного, которые присущи субъекту, но это не относится к внешнему миру, по крайней мере априорно, хотя вещи воспринимаются по-другому индивидуальным сознанием, так или иначе идентифицированным с Духом, или вселенским Интеллектом.

В связи с этим позволительно рассмотреть новый модус аналогии: человек представляет, на земном уровне, наиболее совершенную опору Духа или, иначе говоря, самую конкретную точку его актуализации. Человека можно расценивать – принципиально, если не фактически – как своеобразный синтез или «резюме» макрокосмического существа, обусловленного бесчисленными поляризациями единого Духа – в этом смысле надо понимать слова некоторых арабских герметиков: «Космос – человек всеобъемлющий, а человек – малый космос».

Вселенский Интеллект, само собой разумеется, трансцендентен качествам психическим и ментальным, присущим ему всегда и повсюду, манифестирован ли он посредством ограниченных или выдающихся способностей и мыслей: свет, преломленный цветными стеклами, остается, по сути, вне колоритов. Однако без влияния Интеллекта никакая ментальная форма не будет содержать элемента истины.

Герметическая доктрина Интеллекта в целом совпадает с платонической и выражена весьма сходно. Гермес Трисмегист: «Интеллект эманурует от субстанции (ousia) Бога, если Богу вообще можно приписать какую-нибудь субстанцию: во всяком случае, Бог один ведает природу таковой. Интеллект – не составная часть божественной субстанции, но излучение, подобное свету солнца. Интеллект – Бог живого человека...» Образ предельно ясен: как солнце безотносительно к себе излучает свет, божественная субстанция суверенна и трансцендентна касательно эманурующего от нее Интеллекта и его манифестаций. Солнце дает свою реальность свету, в известном смысле солнце и свет – одно, Интеллект также в известном смысле – Бог. В человеке – своем наиболее совершенном космическом зеркале – он и есть Бог. Интеллект остается в себе – собой, от него рождается иерархия единств, из которых первое – мировая Душа и последнее – материя. На уровне человеческого, где самое высокое – в то же время самое глубокое, тело вмещает душу, а в центре души сокрыт интеллект, эйдолон божественного Слова, Логоса. В процитированной книге Гермеса Трисмегиста это называется Богом, «Отцом всего сущего».

Заметно, сколь эта доктрина близка теологии святого Иоанна Евангелиста, и понятно, почему некоторые христианские мэтры – например, Альберт Великий – видели здесь дохристианские «семена» учения о Логосе.

Умеющие читать, распознают доктрину трансцендентного единства Интеллекта в начале Евангелия от Иоанна, эта доктрина имплицитно подтверждена всеми откровениями Писания, а единство неподвластно воображению и даже разуму. Оно есть условие, а не объект логики: представлять единство Духа, или Интеллекта, некой субстанциальной и квазиматериальной непрерывностью, стирающей присущие бытию различия, считать первой дистинкцией пропасть между сотворенным и несотворенным – подобная концепция ведет к серьезным заблуждениям. Благодаря своей универсальности, Дух может присутствовать в каждой креатуре, причем она не перестает быть тем, что она есть, а именно, формой ограниченной и своеобразной, не только на взгляд других креатур, но и на взгляд Духа, бесконечно ее превосходящего. И не забудем: душа (psyche) также форма, которая не прекращает существовать и после смерти тела, хотя аверроизм, слишком аристотелевский, не может это примирить со своей собственной тезой о единой душе.

Интеллект отлучен от всех объектов, не поддается никакой «объективизации», он «абсолютный субъект». Он к тому же сокрытый «свидетель», расположенный вне всего, что возможно познать в нашей душе, а посему его идентифицируют с «божественным Оком» в глубине нашего бытия. Аллюзия на это – в одном сирийском герметическом тексте, где говорится о тайном зеркале, коего достигают, преодолевая семь дверей, аналогичных семи планетным сферам, степеням, или «уровням», универсальной души: «В тайном зеркале никто не видит своего отражения, так как, пребывая во множественности, человек забывает собственный образ (эссенциальный). Зеркало представляет божественный Дух. Отражаясь, душа стыдится своего порока и старается от него избавиться ... Очищенная, она созерцает Святой Дух и принимает его за образец, и сама становится духом; она обретает Его (Бога) и сама узнается им. Избавляясь от своей тени, избавляется от связи с телом. Что говорят философы? Познай самого себя! Познай в интеллектуальном зеркале. Но что есть это зеркало, если не божественный Дух? Когда человек созерцает себя в нем, то забывает богов и демонов и, соединяясь с Духом Святым, становится совершенным. Видит Бога в себе... Это зеркало... над семью дверьми... которые соответствуют семи небесам, над чувственным миром, над двенадцатью домами (неба) ... Над всем этим глаз невидимого, глаз Духа, всегда и повсюду. Там созерцают совершенный Дух, в коем все пребывает в возможности...»

* * *

Интеллект – когнитивный полюс универсума – не «объект» опыта, но условие всякого опыта. Наше знание об Интеллекте не влияет на изучение фактологии, однако способно существенно изменить ассимиляцию этого изучения. Для современной науки «истины» (или общие законы), без которых эксперименты подобны облакам блуждающим, только схематические описания явлений, полезные, но преходящие абстракции; для науки традиционной истина – выражение, или «конденсация», возможности, всегда пребывающей во вселенском Интеллекте. Все, что проявляется в бытии более или менее эфемерно, имеет свою «модель» или свой «архетип» в Интеллекте.

Интеллект фиксирует возможности в их принципиальной незыблемости, для разума они – только тени или символы. Платон называет незыблемые возможности идеями, или архетипами, сохраняя их подлинное обозначение и не смешивая с простыми обобщениями. Подобные обобщения в лучшем случае отражения истинных архетипов, хотя даже этого нельзя сказать об их вульгаризации в «коллективном бессознательном». Этот двусмысленный термин предполагает странный симбиоз неделимости Интеллекта с непроницаемостью пассивных и темных глубин души. Не «под», а «над» рацию располагаются архетипы, потому разум и различает лишь ограниченный аспект их чистой реальности. Только в соединении души с Духом, вернее в ее возвращении в неделимое единство Духа, человеческое сознание внезапно открыв-

вается вечным возможностям, пребывающим в Интеллекте, или Духе: они спонтанно «конденсируются» под формой символов. Из «Пимандра» (Corpus Hermeticum) мы узнаем, как вселенский Интеллект раскрылся Гермесу–Тоту: «...и после этих слов он долго смотрел мне в лицо, и я задрожал под его взглядом. Потом, когда он поднял голову, я увидел, как свет бесчисленных возможностей образовал в моем духе (pous) бесконечное «Все», и огонь, в напряженности своей всемогущей силы, неподвижно застыл: именно таково было приблизительное понимание видения... Полностью от себя отрешенный, я вновь услышал: ты видел сейчас в интеллекте (pous) прототип, предшествующий любому началу без конца...»

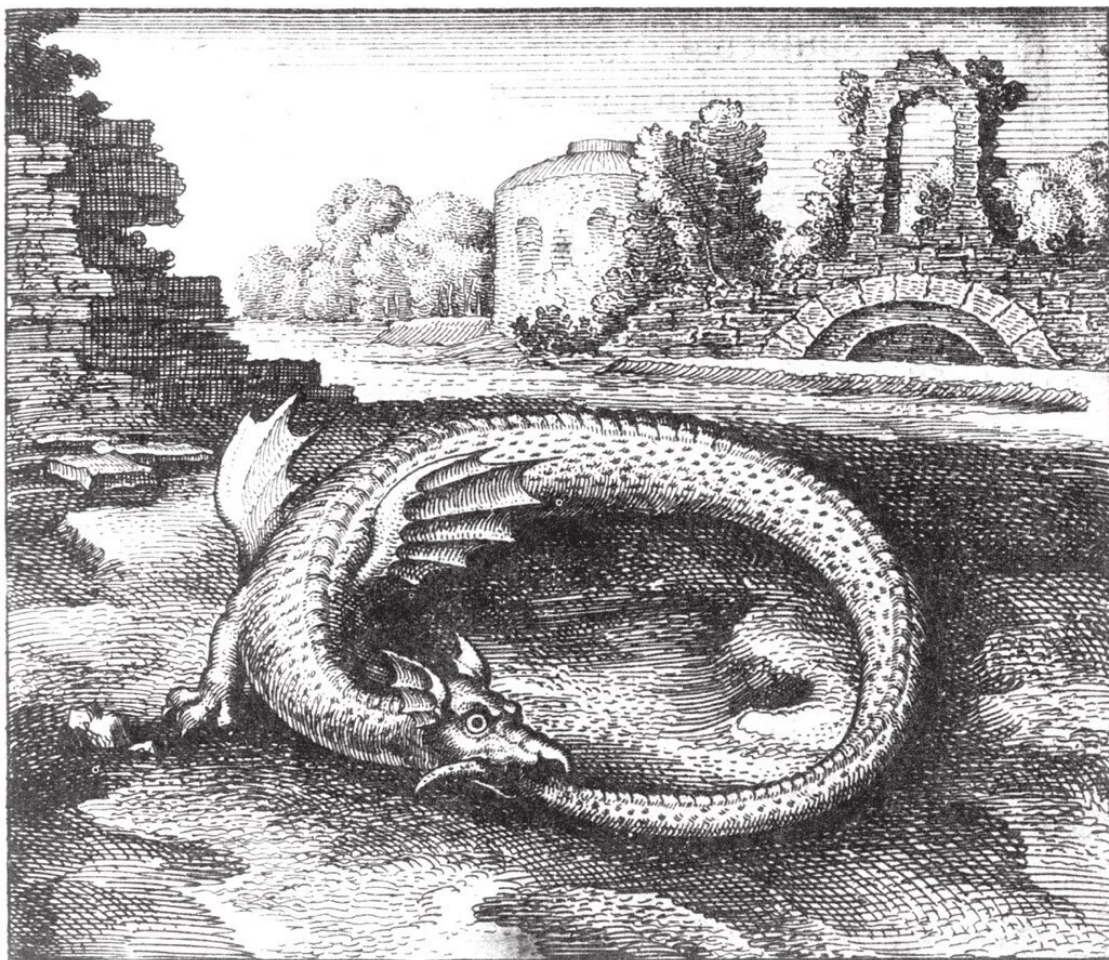
Вещь или мысль символичны в той мере, в которой они отражают на физическом или ментальном плане свой архетип, или постоянную сущность (essence). Абстрактная мысль лучше подчеркивает дистанцию между символом и его архетипом, но воображение лучше отражает этот последний, так как образ сложнее абстрактного понятия и предоставляет больше маневра интерпретации. Образ, если он действительный символ, основан на обратном соответствии духовного и телесного, согласно закону «Изумрудной скрижали»: «то, что внизу, аналогично тому, что вверху».

* * *

По мере более или менее полного соединения человеческого интеллекта с Интеллектом вселенским, мысль отвлекается от множественности вещей и стремится к неделимому единству. Воззрение на природу, которое приобретает в этом процессе, не ограничивается чувственными факторами: они остаются сами по себе, но взгляд меняется: человек начинает видеть в конкретных данных отражение вечных архетипов. И, если подобная интуиция не вступает немедленно в свои права, символы постоянно пробуждают воспоминание и реминисценцию. Таково герметическое приближение к миру.

Для этой перспективы не столь важны физические параметры измеримых, исчислимых вещей, детерминированных причинами и обстоятельствами, но их эйдетические качества, сравнимые с вертикальными нитями на раме ткацкого станка. Ткань получается, когда челнок перемежает вертикальные нити горизонтальными. Вертикальная нить – эйдетические принципы вещей, горизонтальные представляют их материальную природу, подверженную времени, пространству и разным другим кондициям.

Данное сравнение иллюстрирует традиционное воззрение на космос: справедливое в смысле «вертикальном», оно может показаться неточным в «горизонтальной» перспективе, то есть в плане описательного и аналитического наблюдения. Согласно этому воззрению, нет необходимости изучать все металлы, чтобы иметь четкое представление об архетипе металла. Достаточно рассмотреть семь металлов, упомянутых традицией – золото, серебро, медь, олово, железо, свинец и ртуть, – чтобы понять возможные вариации в границах архетипа. Другими словами, важно постичь качественный аспект металла. То же касается и четырех элементов, которые играют доминирующую роль в алхимии. Эти элементы не химические составляющие объектов, а качественные детерминанты «материи». Можно говорить о земле, воде, воздухе и огне и с тем же успехом рассуждать о модусах состояния материи – твердом, текучем, воздушном или огненном. Химический анализ доводит до нашего сведения, что воду составляют две части водорода и одна часть кислорода, но отнюдь не просвещает касательно качественной сущности воды. Этот факт, установленный способом сторонним и даже абстрактным, напротив, скрывает эйдетическое качество воды. Научный анализ однопланово лимитирует изучаемую реальность, тогда как интуиция пробуждает эхо, резонирующее на всех уровнях сознания – от сугубо материального до высокодуховного.

Все кончается одинаково.

Михаил Майер (начало XVII в.)

* * *

Птолемея картина мироздания (шаровидная земля – центр, вокруг которого совершается обращение планет по разным орбитам, или сферам; все это окружено фирмаментом фиксированных звезд, далее – беззвездным эмпиреем) никак не отрицает иных картин мира и не мешает каким бы то ни было космогоническим гипотезам. Она вызывает к жизни символику содержащего и содержимого, символику, отвечающую самой натуре пространства. Диспозиция небесных сфер отражает онтологическую систему, согласно которой каждый уровень бытия происходит от уровня более высокого: в более высоком содержится уровень ниже, как в причине «содержится» следствие. Чем выше сфера движения звезды, тем выше соответствующая степень бытия и сознания, менее ограничена и ближе к божественному истоку. Беззвездный эмпирей, который окружает звездные небеса и побуждает к динамизму фирмамент фиксированных звезд (из всех кругов самый правильный в своем обращении), есть перводвигатель (*primum mobile*) и соответствует всеобъемлющему божественному Интеллекту.

Такова интерпретация Птолемеевой системы у Данте. Примерно сходная обнаружена в более ранних арабских сочинениях. Существует анонимный герметический манускрипт двенадцатого века (вероятно, каталонского происхождения), написанный на латыни, где спиритуальные обозначения небесных сфер напоминают соответствующие описания в «Божественной комедии». Восхождение по сферам дано как восхождение по ступеням спиритуальным (или

интеллектуальным): активная душа иерархически поднимается от определенного, дискурсивного познания к воззрению индифферентному и вневременному, для которого субъект и объект, познающий и познаваемое, суть едины... Это иллюстрировано рисунками небесных сфер в виде концентрических кругов, по которым люди поднимаются, словно по лестнице Иакова, до эмпирея, а над ним – Христос на троне. Под небесными сферами, в приближении к земле, – круги элементов. Под сферой Луны – круги огня, воздуха и примыкающий к земле круг воды. Анонимный манускрипт, герметический характер коего очевиден, экспрессивно признает ценность трех монотеистических религий – иудаизма, христианства, ислама. Отсюда легко заключить, что герметическая наука, благодаря своей космологической символике, соединяется со всеми подлинными религиями, не входя в конфликт с догматикой.

Поскольку обращение восьмого неба (фирма-мента фиксированных звезд) служит изменению времени, беззвездное небо (сообщающее восьмому свое движение с легким смещением из-за прецессии равноденствий) есть граница между временем и вечностью или между любыми модусами длительности и «вечным настоящим». Душа в своем восхождении по сферам оставляет, достигая эмпирея, мир множественности и междоусобицу форм, стремясь к неделимому, всеоключающему Бытию. Данте представил это движение инверсией космического порядка концентрических сфер – они расширяются от земного предела к божественной беспредельности – в порядок обратный, где центр – Бог, вокруг которого вращаются хоры ангелов кругами все более широкими. Чем они ближе к божественному началу, тем быстрее их движение, в противоположность космическим сферам, чье видимое движение ускоряется пропорционально близости к центру земному. Этой инверсией космического порядка божественный Данте провидел глубокий смысл гелиоцентрической картины вселенной.

* * *

Догадка о системе мироздания, где Солнце есть центр обращения всех планет, включая Землю, была высказана задолго до Ренессанса. Коперник только повторил, исходя из собственных наблюдений, идею, известную в античности. В символическом смысле, гелиоцентрическая система – необходимое дополнение геоцентрической. Божественное начало, Интеллект, или Дух, коим был создан мир, можно равно представить как нечто всеобъемлющее (что соответствует беспредельному пространству) или «иррадиирующим» центром всех манифестаций. Именно потому, что божественное начало – вне всякой дифференциации, каждое представление о нем должно быть дополнено инверсией, так сказать, его «отражением».

Однако гелиоцентрическая система использовалась рационализмом как доказательство ложности традиционной геоцентрической концепции и связанных с ней духовных интерпретаций. Отсюда парадокс: философия, сделавшая разум мерой любой реальности, завершилась астрономической перспективой, в которой человек затерялся пылинкой среди пылинок, простым акцидентом без малейшего намека на космическую первичность, тогда как средневековая онтология, основанная на откровении и вдохновении, поместила человека в центр вселенной. Сие вопиющее противоречие просто объясняется. Рационализм полностью забывает, что все его теории касательно вселенной остаются содержимым человеческого сознания: именно потому, что человек способен расценивать свое физическое существование с точки зрения более высокой – как если бы он не был привязан к земле, – именно это и делает его познающим центром мира. Человек – привилегированная субстанция Интеллекта и, в силу своей привилегии, может обрести эйдетическое познание бытия, потому-то традиционная перспектива и поместила его в центр видимого мира – такая позиция, впрочем, совпадает с непосредственным сенсорным опытом. Для традиционной космологии гелиоцентрическая система, где человек в некотором смысле уступает свою центральную позицию солнцу, имеет значение сугубо

эзотерическое, что и подразумевал Данте в «теоцентрическом» описании ангелического мира. С «точки зрения» Бога, человек не центр, а крайняя периферия бытия.

Гелиоцентрическая система кажется более точной в плане физико-математическом, поскольку она, абстрагируясь от «естественной субъективности» и символики, склонна рассматривать вселенную безотносительно к человеку или в лучшем случае принимать его за незначительную физическую частицу во вселенной. Это внечеловеческая направленность взгляда, перевернутое отражение антропоса, понимаемого когда-то *sub specie aeternitatis*.

Однако никакой образ мира никогда не будет абсолютно адекватным, ибо наше наблюдение имеет в виду реальность, саму по себе относительную, непостоянную и неопределенно множественную.

Вера в гелиоцентрическую систему как в некую абсолютную истину творит ужасающую пустоту, лишает человека его космического достоинства, заставляет его – пылинку среди пылинок – бессмысленно вращаться вокруг солнца... Эта система полностью не способна породить новое духовное воззрение. Христианская идея, сосредоточенная на инкарнации Христа, была плохо подготовлена к подобной инверсии космического устройства: человек как небытие, исчезающее в космическом пространстве, и в то же время как интеллектуальный и символический центр этого пространства – такой пируэт не для мозгов большинства людей.

Дальнейший гелиоцентрический прогресс забросил солнце в поток бесчисленных миллионов других солнц (вероятно, в свою очередь окруженных планетами), удаленных каждое от каждого на световые годы или миллионы таковых: всякий образ мира, сколько-нибудь логичный, стал отныне невозможен. В новую, воображаемую «структуру» мироздания человек интегрироваться не в состоянии. Так, по крайней мере, действует новая концепция на западное сознание. Буддийская ментальность, привыкшая созерцать мировые процессы как турбулентии песка, реагирует, вероятно, спокойней на современную научную теорию.

Отход от всех систем, которые можно назвать замкнутыми, доказывает, что любое представление о мире – облако, мираж, видимость. Для непосредственного восприятия солнце – источник света, символ божественного начала, оно озаряет все, вокруг него движется все. Но при этом солнце – только светящееся тело среди аналогичных тел: абсолютное единство присуще лишь божественному принципу.

В пределы нашего сюжета не входит развитие следующей гипотезы: каждый новый образ мира сформирован не столько новыми научными наблюдениями, сколько реакцией на логическую «односторонность» предыдущего. Это касается и недавних концепций пространства. Для средневековой космологии пространство – сфера, величина коей превосходит любую возможность измерения, сфера, спиритуально окруженная небом эмпирея. С торжеством рационализма пришла идея бесконечного пространства. Но поскольку физическая протяженность может быть неопределенной, а не бесконечной, новый научный демарш выдвинул практически невообразимое понятие «кривого» пространства, замыкающегося на самом себе.

Недавние математические концепции отбросили идею разделенности пространства от времени в пользу их постоянной взаимосвязи. Но если пространство содержит все, что существует симультанно, тогда как время образует последовательность феноменов, видимые звезды не отделены от нас «световыми годами»: в одновременности они расположены точно там, где видимое пространство имеет свои крайние пределы. Подобные парадоксы отражают общую противоречивость, на которую, в конце концов, осужден всякий «научный» образ. В конкретных и чувственных вещах тем или иным способом раскрывается духовное обозначение, несравненно более убедительное, нежели теоретические схемы. Оно соответствует человеку и не испытывает перемен. Говоря «обозначение», мы не разумеем ничего концептуального, но выбираем слово по необходимости и согласно традиции, дабы определить непреходящую сущность вещей, подвластную только интуиции.

* * *

Рассуждая об астрономической панораме вселенной, мы просто хотели уточнить, что существуют две главные точки зрения на природу. Научное любопытство погружает искателей в неистощимое многообразие явлений: теория, возникающая по мере накопления экспериментальных данных, сама превращается в нечто множественное и противоречивое. Иная позиция заключается в опыте распознавания духовного центра, одинаково присущего людям и вещам: с этой точки зрения символический характер явлений позволяет созерцать незыблемые реальности Интеллекта. Самое совершенное воззрение, на которое способен человек, отличается простотой: его внутреннее богатство нельзя рассеять в разноречивых концепциях.

* * *

Древние народы, разумеется, понимали под «материей» нечто иное, нежели современные. Не надо, однако, думать, что эти народы созерцали реальность материальных вещей только через завесу «магического и диктаторского воображения», как считают некоторые этнологи, или что их ментальность отличалась «алогичностью» и «прелогичностью». Камни были столь же тверды, огонь столь же горяч, а законы природы столь же неизменны, как и сегодня. Человек всегда размышлял логически, даже если помимо чувственных данных или сквозь них он подмечал реальность иного порядка. Логика присуща человеческой природе, а подчинение «диктаторскому воображению» свойственно не мышлению «примитивных» народов, но скорее современной прогрессивной мысли, которая против всякой очевидности жаждет свести всякую реальность к фактам чисто физическим.

Концепция материи, радикально отделенной от духа, представленная в теории и практике нашего современного мира, не нова сама по себе. Это завершение ментального демарша, коему Декарт впервые дал философское обоснование, ничего не «изобретая»: на него решительно повлияла общая тенденция ограничения духа простой мыслью и дискурсивным разумом, отрицания за духом какой-либо универсальной значимости и непосредственного космического присутствия.

Согласно Декарту, дух и материя – две совершенно разные модальности: они встречаются по божественному плану в одной точке – мозгу человеческом. Окружающий мир, понятый «материально», автоматически отстраняется от духовных содержаний, а дух превращается в некое абстрактное дополнение чисто материальной реальности и вне таковой игнорируется вообще.

* * *

Для народов прошлого материя пронизана божественной эманацией. В цивилизациях, названных «архаическими», это сказывалось в непосредственном опыте: материя, Земля признавалась вечным потенциальным принципом всех вещей, а небо – принципом активно-порождающим. Две руки Бога связывались нерасторжимо, словно женщина и мужчина, мать и отец. Земля воплощала небесную активность, вещи воспринимались и чувственно и духовно – данная метафизическая истина оставалась независимой от изменчивых образов мироздания.

Для *philosophia perennis* – свойственной и Западу и Востоку до прихода рационализма – активный и пассивный (потенциальный) принципы были, вне любой манифестации, определяющими полюсами существования. Материя: аспект или функция Бога; материя, не обособленная от Духа реальность, а необходимый компонент. Она есть чистая, прозрачная потенци-

альность, все, что различимо в ней, уже отмечено активностью Духа и Слова Божия. Материя – зеркало Духа.

Для современного человека материя превратилась в «объект», «вещь». Она стала, так сказать, более устойчивой и «настойчивой», ибо только за собой оставила качество протяженности и все к этому относящееся, она стала инертной массой, духовно непроницаемой экстериорностью, наличным фактом. Конечно, материя всегда отличалась атрибутами в известном смысле противоположными Духу, но для людей ранних эпох никогда она не олицетворяла всей «реальности». И главное, материя никогда не рассматривалась независимой от Духа, доступной познанию сама по себе. Идея протяженности, отвлеченной от материи, получила у Декарта философское обоснование. Начиная с этого момента, материя распалась на массу и протяженность. И тогда ученые принялись искать объяснения сугубо количественные: сначала для всех особенностей пространства, затем и для чувственных качеств, что вполне легитимно и приносит пользу науке и технике в их эксплуатации внешней, «объективной» действительности. Но ни протяженность, ни какое-либо другое чувственное впечатление не исчерпывается количественными детерминациями. Согласно Рене Генону, не существует протяженности без того или иного качественного аспекта. Даже самые простые фигуры – круг, треугольник, квадрат – имеют нечто качественно уникальное и не сводятся к чисто количественному измерению. Если данные чувственного восприятия подвергнуть количественной аналитике, они вообще распадутся в небытие. «Модели» экспериментальной науки, изображающие, к примеру, структуры атомов или молекул, также имеют качественные элементы или косвенно зависят от них. Можно выразить цифрами различие световых вибраций красного и синего, но цифрами не объяснить слепому сущность света. То же самое касается качественного содержания любой перцепции. Представим человека глухого от рождения и дальтоника к тому же, знакомого с научными формулами звуков и цветов. Разве передадут ему формулы сущность звуков и цветов или глубокое различие меж двумя сенсорными переживаниями? И если сие относится к самым простым ощущениям, что же говорить о бесчисленных формах выражения живых организмов! Они избегают не только измерений, но и аналитических описаний. Разумеется, всегда можно определить контур дерева или зверя, но подобная «схема» не объяснит их сущности. Это не оспаривают в области искусства, но забывают, что в любой области качественная сущность вещи постигается интуитивным прозрением, а не прогрессирующим измерением.

Зеркало материи отражает весьма поверхностно, весьма искаженно качественные модусы объекта. Наука, основанная на количественной аналитике, полностью игнорирует необычайно сложную сущность вещей. Для такой науки античная «форма» (то есть качественное содержание) практически роли не играет. Потому-то искусство и наука – синонимы в прежние эпохи – ныне резко разделены, и по той же причине красота в глазах современной науки не имеет ничего общего с познанием.

Традиционная доктрина в дистинкциях *eidos* и *hyle* или *forma* и *materia* разумеет: вещи не только «материальны», или «интеллигибельны», – они суть одновременно и качество и количество; доктрина не довольствуется разделением и диссоциацией, но рассматривает два «полюса» в необходимой взаимосвязи. Аристотель доводит до логического предела оппозицию эйдос–гиле, но не допускает их парадоксального единения. Ясно тем не менее, что «форма» (причина вещи), соответствующая чистому Акту, и рецептивно-потенциальная субстанция обоюдно соотносятся до такой степени, что их фундаментальные и вневременные возможности не могут быть разделены...

Редукция всех феноменов к этим двум начальным полюсам нисколько не схематизирует чуда творения, а только намечает крайние пределы. Активный полюс – «форма», потенциальный – «субстанция». В некотором смысле «форма» соответствует Духу, или Интеллекту: эйдосы, или «преддетерминации» вещей, содержатся в божественном Интеллекте как «прототипы», или «архетипы».

Можно возразить, что идею «формы» нельзя раскрыть, не уничтожив различие манифестации «формальной» от «суперформальной», иначе говоря, различие «индивидуального» от «универсального» (область Чистого духа). Но эпитет «формальный» подходит лишь к тому, что посредством какой-либо «формы» запечатлено в субстанции. Форма сама по себе – лимитация, контур или же сплетение качеств, субстанционально не детерминированных. В последнем смысле в комментариях средневековых теологов встречается выражение «форма Бога» (*forma Dei*, по-арабски *aṣ-ṣūrat al-ilāhiyah*) для обозначения тотальности божественных качеств. *Forma Dei*, которая раскрывается в этих качествах, сама по себе не обусловлена и не подвластна никаким определениям.

* * *

В своей книге «Скептический химик» (1661 г.) Роберт Бойль атаковал «четыре элемента» – одно из основных положений традиции. Согласно английскому ученому, земля, вода и воздух не являются собой простые тела – они составлены из разных химических компонентов. Роберт Бойль хотел скомпрометировать алхимию. На самом деле, его критика разбила поверхностную и плохо понятую интерпретацию: настоящая алхимия никогда не рассматривала землю, воду, воздух и огонь как субстанции телесные или химические в современном смысле. Четыре элемента просто первичные качества, благодаря которым аморфная и сугубо количественная субстанция определяется под какой-либо формой. Сущность подобного «элемента» не имеет ничего общего с материальной неделимостью: пусть воду составляют кислород и водород, воздух – кислород и азот – это не меняет четырех фундаментальных «кондиций» телесной *materia* – земной, водной, воздушной, огненной.

Есть известные трудности в понимании доктрины четырех элементов: четыре модуса качественной дифференциации *materia* являются относительно физических объектов просто субстанциями. Поэтому некоторые алхимики (аль-Рази, к примеру) считают данные элементы индикаторами плотности телесной *materia* вообще или даже степенями вселенской «вибрации». Подобные сравнения, разумеется, очень приблизительны, ибо ни космические «элементы», ни *materia* в чистом виде не воспринимаемы.

Алхимия, верная своим космогоническим основаниям, в принципе не может признать, что элементы «переходят» друг в друга или что их общая субстанция подвластна химическим процессам, хотя этому и учит герметическое искусство. Здесь имеется в виду иной онтологический уровень реальности, с вершины которой космогонические «элементы» суть «вертикальные» универсальные прототипы, иерархически организующие множество данностей физического мира.

Общая основа четырех элементов – *materia prima* вселенной. Следует добавить для большей точности, что элементы рождаются не прямо из этой *materia*, но из ее первой детерминации, эфира, который в алхимических сочинениях называют, в зависимости от характера операций, то *materia*, то *quinta essentia*.

Одно из лучших объяснений четырех элементов – в индуистской космологии *Sankhya*. Материальным элементам, *bhutas*, соответствует равное число «формообразующих детерминаций», *tanmatras*, познающего субъекта. Обе первоосновных группы, *tanmatras* и *bhutas*, происходят от *prakriti* (*materia prima*). Они фильтруются *ahankara* – *principium individuationis*, или сознанием эго, – и распределяются между объективными и субъективными полюсами манифестированного мира.

Такая экспликация точно отвечает герметической перспективе. Понятен способ транспозиции чувственных явлений во внутренний мир, ибо *tanmatras* в известной степени характеризуют структуру души...

Если расположить элементы по шкале «тонкости» и «субтильности», земля займет нижнюю ступень, воздух – верхнюю. В смысле энергичной подвижности огонь выше остальных элементов. Земля отличается тяжестью и нисходящей тенденцией, вода также «весома», но отличается тенденцией к экспансии. Воздух поднимается и распространяется, огню присуще резко выраженное восходящее движение.

В традиции натуральный порядок элементов представлен крестом, где место пересечения соответствует квинтэссенции, или концентрированными кругами: в этом случае – земля в центре, огонь – на периферии. Иногда представляют ситуацию элементов «печатью Соломона», составленной из двух пересекающихся равнобедренных треугольников. Это синтез, соединение противоположностей.

* * *

Традиционная концепция *materia* – потенциальной и рецептивной основы всякой множественности и дифференциации – актуальна не только в сфере телесной. Можно также говорить о *materia* души, поскольку психический универсум заполнен множеством переменных «впечатлений» и, следовательно, означен полюсом активным (формальным) и потенциальным (материальным).

Потенциальный полюс *materia* души выражается в способности восприятия и сохранения форм, в беспредельной рецептивности. Это «женский» аспект души – эпитет можно понимать почти буквально. В природе женщины данный аспект доминирует – душа и тело сопрягаются своими «потенциальными» тенденциями: это облагораживает тело, но сковывает душу.

«Формы», воспринятые «субстанцией», или «материей», души, приходят извне или изнутри. Эмпирически они приходят извне с помощью органов чувств, однако становятся духовными формами только в случае соответствия незыблемым прототипам Интеллекта, которые образуют реальное содержание любого познания. Итак, эйдетический полюс души – Интеллект (или Дух). Он, по сути, ее «форма», «формальное средоточие». Подобное выражение, странное на первый взгляд, вовсе не предполагает особой «формы» Интеллекта. Эйдетическая форма – просто результат действия Интеллекта на *materia* души.

В книге «Одеяние духовного брака» (том II, глава IV) Рюисброк Удивительный писал: «Каждый человек отличается тройным единством. Первое, высочайшее единство – Бог: все креатуры обязаны единству сему жизнью и сущностью, утрата связи с этим единством означает небытие. Это единство даровано всем – добрым и злым, однако для святости и счастья необходимо наше деятельное соучастие. Будучи в нас, единство сие в то же время и над нами.

Второе единство происходит от Духа и обнимает высшие качества. В этом единстве блистает активность Божия. Второе единство внечувственно, порождает разум, волю и другие духовные качества. Здесь душа именуется духом.

Третье единство есть область низших способностей и располагается в сердце. Оно повелевает пятью чувствами и телесной динамикой. По натуре своей единство это подлинно именуется душой, или «формой», тела.

Все три единства составляют жизненную сферу человека. В низшем единстве жизнь сенсорна и анимальна, в среднем – рациональна и спиритуальна, в высшем достигает истинного средоточия».

Рюисброк определяет душу в буквальном смысле (*anima*, *psyche*) как единство сенсорных способностей. Эта эмпирическая душа ограничена субъективным «я». Однако отношения духа и души можно интерпретировать иначе.

Душа, понятая как *materia* для духа, это не ткань эгоцентрического сознания, но рецептивная субстанция более глубокого уровня, обычно неразличимая из-за сопряжения души с

чувственным восприятием. Образуя «эго», душа «смешивается» с телом, расходится, разъединяется, хаотически «коагулируется» и теряет возможность свободно отражать Дух.

На минеральном плане это соответствует ситуации металла «низкого», особенно темноте и тяжести свинца. Согласно мусульманскому мистику Мухиддину ибн Араби, золото соотносится со здоровой и гармонической кондицией души, которая своей субстанцией без искажений отражает божественный Дух, тогда как свинец символизирует деформацию и смерть. Металл «низкий» есть принципиальный разрыв эквilibра.

Дабы излечить «больную» душу, необходимо разрушить диссонантное соединение «формы» и «материи». Дух и душа в известном смысле «отделяются» друг от друга, грубая «материя» сжигается, растворяется, очищается ради последующего «философского брака».

Алхимическая доктрина и символика не восходят к полному (спиритуальному) уничтожению индивидуальности (наподобие индуистской концепции *moksha*, буддийской *nirvana*, суфийской *fanâ* и *'l-fanâ* или христианской *unio mystica* и *deificatio*). Алхимию, основанную на чисто космологической перспективе, можно лишь косвенно транспонировать в сферу метакосмическую и божественную. Именно как определенный этап на пути к высшей цели ее адаптировал христианский и мусульманский гнозис. Благодаря алхимическому действию человеческое сознание озаряется божественным лучом, указующим Небо.

Категории *forma* и *materia* помогают понять проекцию четырех элементов на психический план. Разнообразные взаимосвязи и оппозиции этих элементов характеризуют не только телесную, но и психическую *materia*. Душе равным образом свойственны инерция и стагнация, но также огненные порывы *in excelsis*. Психическая *materia* может расширяться медленно и спокойно, как вода, или активно и мобильно, как воздух. Психическая «земля» тяготеет к телу, психический «огонь» очищает и трансформирует, психическая «вода» обладает способностью принимать любую форму. В первичной своей натуре вода, по выражению святого Франциска Ассизского, *umile e preciosa e casta* (мягка, изысканна, целомудренна).

* * *

Планеты и металлы имеют одинаковую символику в алхимии и часто носят одинаковые имена. «Солнцем» называют золото, «Луной» – серебро, «Меркурием» – ртуть, «Венерой» – медь, «Марсом» – железо, «Юпитером» – олово, «Сатурном» – свинец. Подобные соответствия очевидным образом обнаруживают связь алхимии и астрологии, связь, отраженную в «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста: «То, что вверху, аналогично тому, что внизу».

Астрология и алхимия в западных своих вариантах родились от герметической традиции: одна занимается Небом, другая – Землей, одна интерпретирует ситуацию зодиака и планет, другая – элементов и металлов. Если двенадцать зодиакальных знаков суть упрощенная схема архетипов божественного Интеллекта, то элементы – огонь, воздух, вода, земля – символически манифестируют главные модусы первичной субстанции (*materia prima*, *hyle*). И если планеты, в силу различных своих позиций, актуализируют дифференцированно и темпорально возможности зодиака и указывают пути Духа от Неба к Земле, металлы – первые плоды первичной субстанции под солнцем Духа, или Интеллекта¹. Алхимия учит нас, что металлы зарождаются в темном лоне земли под влиянием семи планет – солнца, луны и пяти других, видимых простым глазом. Подобная точка зрения не является ни в коей мере объяснением физическим, акцентируя эссенциальное, а не физическое происхождение материальных манифестаций от двух принципиальных полюсов бытия. В связующем соответствии звезд и металлов проступает

¹ В символическом смысле металл – спиритуальная манифестация телесной *materia*, планеты или звезды – разновидность телесной манифестации духа. Соотношение планет и металлов напоминает арабскую пословицу: «Красота мужчины в его духе, дух женщины в ее красоте». Планеты – воплощенный разум, металлы – разумная плоть.

онтологическая иерархия, равно относящаяся к любым аспектам бытия. Это касается не только природы внешней, или макрокосма, но и микрокосма, иначе говоря, психофизической природы человека. «Внутренним» планетам астрологии соответствуют «внутренние» металлы алхимии.

Однако в соответствиях металлов и планет наблюдается известная неточность, вызванная разным пониманием ртути (меркурия). Некоторые школы алхимии склонны рассматривать меркурий, в силу его «летучести» и действия на другие металлы, не как металл, или «тело», но как «летучий агент», или «дух». В таком случае иной металл, зачастую сплав, берет место ртути на семидольной шкале. Здесь важно, чтобы каждый из семи металлов представлял определенный «тип», за которым располагалась бы группа родственных металлов.

Соответствие активного и потенциального принципов бытия, которое выражено в оппозиции небо–земля или планеты–металлы, отражается эффективным образом в ситуации солнца–золота и луны–серебра. Солнце или золото в некоторой степени воплощают активно порождающий полюс, тогда как луна или серебро – полюс рецептивный, *materia prima*. Золото–солнце–дух; серебро–луна–душа.

Другие металлы, равно как и другие планеты, на разных уровнях приобщены к этим двум полюсам.

Цепь аналогий такова: активный полюс бытия аналогичен потенциальному, как солнце – луне, источник света – отражающей поверхности, постоянство – перемене; луна меняет свою форму, солнце не меняет никогда – изменчивость, становление присущи пассивной сфере, чистый эссенциальный Акт постоянен². Третья основная фигура, крест, – общий символ дифференциации (под влиянием активного полюса) скрытых возможностей *materia prima*. Четыре элемента ориентированы по этой фигуре.

Нельзя, однако, забывать, что солнце, или золото, не средоточие активного полюса как такового, а его принципиальное отражение в одной определенной области. Это же касается луны, или серебра, в отношении полюса потенциального. По сути, потенциальный полюс не может иметь формы, ибо *materia prima* никоим образом не формализована. В этом плане разговор идет о фрагменте активного полюса – полукруге, полумесяце или солнечной полуорбите. Золото – воплощение «металлического света», или «цвета», тогда как серебро бесцветно, словно зеркало.

Другие планеты и металлы – варианты прототипа, который полностью манифестирован только в солнце и золоте. В других планетах и металлах доминирует то солнечный принцип, то лунный, не достигающие окончательной победы, так как различные комбинации круга или полукруга с крестом указывают на отклонение от первичного эквilibра элементов. Только в одном знаке, меркурий–ртуть, скомбинированы три основные фигуры – круг, крест и полукруг. Здесь лунный принцип доминирует над солнечным, роль которого в данном случае – «фиксировать» крест оппозиционных пар элементов. Это ключевой знак в алхимическом действе: Меркурий–Гермес – отец алхимии. В известном плане этот знак, равно как и металл, ему соответствующий, выражает *materia prima* в качестве субстрата любой формы. Ртуть, меркурий, *argentum vivum*, «меркуриальность» – своего рода «matrice» – мать, матрица металлов, тогда как серебро (*argentum*) символизирует девственную чистоту *materia prima*. Поэтому алхимики часто двойственно представляют материально-женский принцип: луной (серебром) и меркурием (*argentum vivum*). Последний соответствует «производительной» потенции *materia* в ее динамическом аспекте: серфур, «противоположность» меркурия, отражает активность солнечно-мужского принципа. Золото и серебро можно уподобить солнцу и луне китайской доктрины – «ян–инь». Золото понимается как фиксированностатичный серфур, а серебро как фиксированный меркурий.

² В герметическом смысле «аналогия» означает противоположную экзистенциальную ориентацию.

Все это не следует расценивать в смысле натурально физическом – речь идет о космогонии более высокой.

Серия семи знаков планет и металлов представляет организацию определенной космической сферы. Любая сфера обладает центром, или качественным средоточием, где наиболее четко раскрывается ее прототип, или принцип. Золото посреди металлов, алмаз посреди минералов; для цветов – роза или лотос, для четвероногих – лев, для птиц – орел, и человек для всех живущих на земле креатур. В каждом случае «центральная» манифестация «благородна», ибо максимально адекватна функциональности своего символа. Остальные периферийны, более или менее вульгарны, поскольку выражают акцидентальные аспекты прототипа.

Человек символически расположен в центре земного окружения – это, правда, совсем не касается той или иной личности. Дело вот в чем.

Зверь всегда верен специфике своего вида, луч божественного Интеллекта отражается в конкретизации зверя. То, что именуется «инстинктом», есть пассивная причастность к Интеллекту. Человек, напротив, сотворен ради активной причастности, ради идентификации с когнитивным полюсом. Только серьезные усилия дадут ему шанс приблизиться к центру манифестированного космоса. Подобная реализация – задача алхимии, глубокий смысл графического обозначения золота.

В золоте все – масса, плотность, делимость – блистает чистым качеством символа. Это воплощение света. Алхимики часто характеризуют процесс следующим образом: «спиритуализация тела и фиксация духа», или «сублимация тяжести и концентрация летучести». Это, собственно, и есть золото.

В золоте достигнуто единство эйдоса и его материи – отсюда проявленность центральной точки в окружности. Так же точно в «совершенном человеке» спиритуально-эффективно подобие твари Творцу.

* * *

Апофтегма «Изумрудной скрижали»: «то, что вверху, подобно тому, что внизу» – эвоцирует зеркальную инверсию образа. Градация металлов в приближении к золоту обратна градации планет. Вообще, значение планет повышается в зависимости от расширения орбиты касательно центра Земли. За одним-единственным исключением: сфера Солнца, соответствующего золоту, находится посредине планетных орбит. Над Солнцем – орбиты Марса, Юпитера, Сатурна, под Солнцем – Венеры, Меркурия и Луны. Если учесть фирмамент неподвижных звезд, общую композицию следует дополнить земной твердью. Солнце – источник света всех планет, кроме того, занимает центральную позицию и в геоцентрической панораме.

Первая иерархия, основанная на той или иной удаленности орбит по геоцентрической системе, и вторая, акцентирующая центральность Солнца, вполне соединяются в интерпретации «планетных качеств» человека – здесь определенное сходство мировоззрений алхимии и астрологии.

Итак:

Сатурн, орбита коего наиболее удалена от Земли, соответствует разуму (*ratio*), тогда как Луна, ближайшая к Земле, – витальному духу, связующему тело и душу. Меж этими полюсами расположены другие параметры души – познавательные и волевые. Солнце – срединно-соединительно. Макробий в комментарии на «Сон Сципиона» рассмотрел планетную иерархию согласно орфико-пифагорейской традиции. Душа нисходит от самого высокого неба к земле, солнце оживляет пять чувств и синтезирует чувственные впечатления. В данном варианте Солнце подобно *anima sensoriale*.

Абу аль-Карим аль-Джили в книге «Человек вселенский» решает проблему более глубоко: Солнце – сердце (al-qalb), источник интуитивного познания; Солнце озаряет планеты, сердце, где живет дух-интеллект, пробуждает качества души.

И все же в иерархии этих самых качеств аналогия Сатурн–разум, похоже, противоречит алхимическому уравниванию Сатурн–свинец: разум – вершина психических возможностей, свинец – базовый, самый «низкий» металл. Здесь необходимо иметь в виду закон герметической (то есть обратной) аналогии «Изумрудной скрижали». Свинец – тело, точнее, материальное рацию. Сатурн–разум и Сатурн–тело – две крайности индивидуального сознания, в «сатурнических» условиях безнадежно разделенные. Cogito, ergo sum (Я мыслю, следовательно, я есть) опровергается просто: мысль не может «продумать» собственное бытие. Утверждение «я есть» выражает либо метафизический принцип, либо субъективную уверенность в собственном телесном существовании, недоступную мысли в силу своей наивной непроницаемости. «Познание» и «жизнь» индивидуальное сознание отражает в противоположности «духа» и «тела». Чтобы избежать этой оппозиции, сознанию надо ориентироваться на «солнце» сердца. По словам алхимиков, «плоть» должна стать «духом», а «дух» – «плотью».

Юпитер – качество решимости, умение принимать решения (по-арабски al-himmaf), спиритуальная форма воли. Марс – смелость, Марсу аль-Джили также приписывает «активное воображение». Эти два свойства отличают направленную на мир демиургическую волю.

Согласно Макробию и всем эллинистическим космологам, Венера – звезда любовной страсти. Для аль-Джили Венера прежде всего матрица «пассивного воображения» (al-khiyâl); она соединяется с Марсом, подобно воску и печати. Меркурий, по мнению всех космологов, принцип аналитического мышления (al-fikr). За Луной Макробий оставил потенцию телесного движения и генерации, о чем более подробно писал Альберт Великий.

Иерархия планет идет по нисходящей, иерархия металлов – по восходящей, первая – активна, вторая – потенциальна. Будучи материей более или менее инертной, металл не выражает качеств «когнитивных» и «волевых», его статичная аморфная натура похожа на недвижимое, лишенное ментальных контуров сознание. Из этого металла алхимик извлекает anima metallorum и spiritus metallorum (душу и дух металла).

Инцест брата и сестры.
Михаил Майер (начало XVII в.)

Здесь явно или скрыто проходит сравнение: сознание материальное, хаотическое и темное, скованное страстями и привычками, напоминает металл «низкий». Душа и дух застывают под тягостью «земли». Напротив, сознание «озаренное» (металл «благородный») централизовано в своем автономном экзистенциальном модуле.

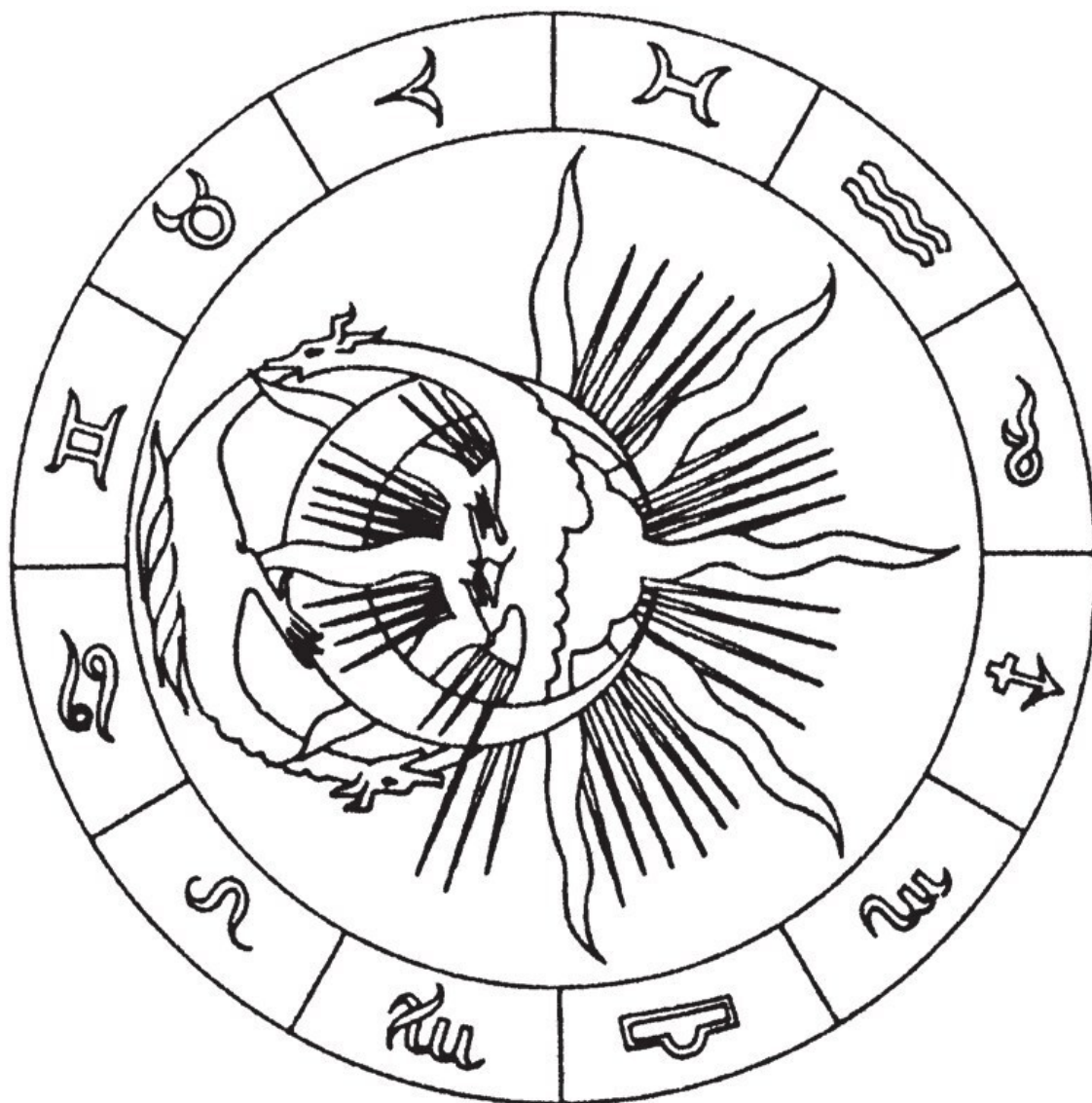
Душу следует извлечь из металла «низкого», говорят алхимики, резидиус («тело») очистить огнем и свести в пепел. Потом душа (дистиллат) нисходит и растворяет пепел – в результате образуется чистая materia. И только тогда дух придает этой materia нетленную форму. Иначе говоря, материальное индивидуальное сознание принимает спиритуальную форму в соответствии со своей эйдетической сущностью. Басилид Валентин сравнил это с «телом славы» воскресения из мертвых.

* * *

Помимо планетной иерархии, связанной по герметической аналогии с металлами, известно более древнее расположение светил. Имеется в виду распределение планет по «домам» зодиака. Такой порядок легитимен, если ось солнцестояния проходит между Львом и Раком, то есть в позиции за две тысячи лет до нашей эры. Тогда секторы, называемые «домами» планет, размещались симметрично. По-видимому, такое расположение небес – основа астро-

логической символики. И, поскольку алхимические знаки планет идентичны астрологическим, весьма вероятно появление алхимии приблизительно в эту эпоху.

Каждая планета пребывает в двух «домах»: правый «дом» – мужской, левый – женский. Исключение – Солнце и Луна, имеющие только по одному «дому»; Солнце владеет мужской стороной зодиака, Луна – женской. Внизу, вокруг зимнего солнцестояния, в области смерти и тьмы, царит Сатурн, аналогичный свинцу в иерархии металлов. В знаке Сатурна полумесяц присоединен к нижней ветви креста – символ погружения сознания в материальный хаос. Сравним: в знаке Юпитера, аналогичного олову, полумесяц идет вверх от горизонтальной ветви – первый успех души в ее борьбе. Точно под горизонтальной ветвью зодиака находятся два «дома» Марса, и над ней – два «дома» Венеры. Соответственные знаки: Марс – крест над кругом, и Венера – крест под кругом. В первом случае (знак Марса и железа) дух скован и стянут телесностью, во втором (знак Венеры и меди) «солнце» духа восходит над крестовым древом материальных тенденций. Смутный проблеск золота. Ступенью выше – два «дома» Меркурия (ртуть, *argentum vivum* в иерархии металлов). Его знак единственный, включающий знаки Солнца и Луны, в его лунной «воде» таится огненный зародыш Солнца, как в душе – искра вселенского Духа. Для алхимиков *argentum vivum* – «мать золота» и главный инициатор (*primum agens*) магистерия. И наконец, на вершине зодиака – Солнце и Луна.

Finis corruptionis et principium generationis (Конец гниения и начало генерации).

Фигура представляет борьбу двух первичных сил, солнца и луны, сульфура и ртути, в небесном круге

Луна сравнима с душой в своей чистой рецептивности, Солнце сравнимо с чистым светом духа.

Солнце владеет не только собственным «домом», Солнце проходит зодиак, поднимаясь по «мужской стороне» и спускаясь по «женской». Начало его путешествия – в зимнем солнцестоянии, в области Сатурна и свинца, где сокрыт в «хаосе» золотой отблеск.

Алхимический миф о солнечном короле, которого следует убить, предать погребению, потом пробудить, дабы он преодолел семь стадий и достиг славы, не только интерпретация этой астрологической символики, но к тому же космическое отражение определенного внутреннего закона: божественная искра в человеке аналогична Солнцу. Искра почти угасает в «доме» Сатурна, но есть у нее шанс вспыхнуть, разгореться и на высоте седьмого уровня сознания стать «багряным львом» – эликсиром универсальной трансмутации.

* * *

Как мы упоминали, спиритуальная алхимия, используя металлургическую символику, может не иметь касательства к практическим операциям. Вероятно, в далеком прошлом работы спиритуальные и материальные шли параллельно, поскольку в цивилизации, ориентированной на высокие цели, всякое ремесло служит таковым. К тому же любая подлинная символика отражает конкретный эксперимент. Кроме процессов сугубо металлургических (извлечение металла из минеральных пород, плавление, лигатура с другим металлом ради компенсации специфических дефектов) надлежит отметить производство химических субстанций, влияющих на качество металлов (плавкость, твердость, цвет). Среди этих субстанций – сурьма, сера, ртуть – последняя, будучи металлом, действует как растворитель.

Поскольку производство и употребление подобных веществ входило в компетенцию металлурга, он считался заодно и химиком в современном, приблизительно, понимании. К этой же области относилась выделка цветных стекол, искусственных драгоценных камней и красителей. Поэтому в символическом языке алхимии встречаются термины этих ремесел.

Знаменитые алхимики, к примеру Ябир ибн Хайан, Абу Бекр аль-Рази (умер в 925 г.) и Гебер, перечисляют в своих книгах основные операции, несомненно химические, которые полагаются символами из-за своего общего и типического характера.

Согласно Ябиру, алхимическая работа свершается в четырех главных режимах: пурификация (очищение) субстанции, солюция (растворение), новая коагуляция (концентрация) и затем синтез. Аль-Рази добавляет еще несколько процессов (все это собрал впоследствии Гебер в «Summa Perfectionis»). Самые важные: сублимация (возгонка) с целью экстракции летучих веществ и получения чистой субстанции – используется в производстве серы; охлаждение – с целью отделения примесей от текучей субстанции; дистилляция – для фильтрования растворимых веществ: комбустия, или кальцинация, – для низведения металла в растворимый оксид. Летучие субстанции могут быть «фиксированы» огнем, субстанции твердые доведены до размягчения и плавкости инсинерацией. В операциях действуют не только «агенты» минеральные, но и органические, к примеру масло, урина.

Аналитическая химия неизмеримо превосходит практику алхимии, но: последняя своими чрезвычайно subtilными методами распознавала такие качественные аспекты материи и ее метаморфоз, которые совершенно неведомы современной науке, ибо множество выражений принимает лик природы.

Удивительно царство метаморфоз: одна и та же субстанция переходит последовательно от жидкого состояния через газообразное к твердому, от охлаждения становится тягучей и

плавкой на манер воска, или, теряя первоначальную форму в растворе, обретает другую в кристаллизации, или, изменяя кондиции, расцветает новым цветом. Эти метаморфозы одной субстанции великолепно символизируют вселенскую *materia prima*, способную усвоить любые формы и любые кондиции, оставаясь эссенциально единой. Подобные метаморфозы равно иллюстрируют путь души, которая способна менять качества и состояния, оставаясь неизменной в своей таинственной сущности. В алхимической реторте под влиянием огня разыгрывается действие натуры в области вещества, в области души.

Алхимики объясняют трансмутацию материи подвижностью четырех элементов и четырех натуральных режимов: тепла, холода, влажности, сухости. Аристотель рассказал о режимах постоянной динамики элементов.

Они активны относительно материи и обладают конкретной способностью превращать один элемент в другой: посредством тепла воздух абсорбирует воду, холод концентрирует воду в лед, вода твердеет минералом. В сущности, элементы не меняются: физическая материя под влиянием того или иного режима проходит разные «элементарные» состояния. Тепло и холод играют роль активных энергий, правда, второй режим лишь негация первого: только тепло – «начало циркуляции». По сути, только огонь делает субстанцию в реторте алхимика жидкой, газообразной, кристаллической.

Спекулятивная ценность алхимии (мы употребляем слово в старом значении *speculatio* – отражение) в следующем: внимательное наблюдение одного-единственного эксперимента предлагает ключ к интерпретации великих ритмов натуры. Современная химия, анализируя какую-либо субстанцию, умножает данные касательно энергийных и материальных связей этой субстанции – менее всего такую аналитику занимает общий вывод о сочетании вещественности «тела» и «души».

Герметическое воззрение парадоксально-афористически выражено Мухиддином ибн Араби: «Множество натуральных форм отражается в одном зеркале или, вернее, одна форма отражается множеством зеркал».

Схема элементов и режимов не случайно схожа с космическим колесом, где «обод» – солнечная орбита и «спицы» – главные ориентиры пространства.

В алхимическом смысле центр колеса – *quinta essentia*. Это и спиритуальный полюс четырех элементов, и основная субстанция – эфир, где они неделимо сокрыты. Чем ближе к центру, тем спокойней война оппозиций: вода огневает, огонь влажнеет, земля разрежается, воздух тяжелеет. Элементы и режимы имеют много референций в спиритуальной алхимии.

Например:

Экспансия души есть радость, ее контракция – боль. Это ответы на реальность, ибо лишь нечто реальное пробуждает радость и боль. Солюция – растворение души, что, похоже, соответствует обновлению первичной рецептивности, так же как солидификация (фиксация) в известной мере соответствует автономной активности. Четыре температуры психической жизни зависят от духовного центра человека. Их интеграция – вопрос времени и разных иных условий: в радости созерцания проявляется холод «предчувствия вечности», в боли и холоде созерцания зарождается эйдолон спиритуальной жизни. Податливая, «влажная» рецептивность души, равно как и ее резкая «сухая» активность в определенном плане центростремительны – отсюда «конверсия» психофизических режимов – тепла, холода, влажности, сухости.

Земля, холодная и сухая, разреженная теплым и влажным воздухом, теряет свою тягость и, оставаясь плотью, обретает спиритуальную натуру; воздух в этой ситуации фиксируется, но тем не менее сохраняет свою специфику.

Синезий так определил процесс: «Философы в сочинениях о «нашем камне» зачастую пишут об изменении натур и конверсии элементов. И это поистине так: воплощаясь, влажное становится сухим, летучее – стабильным, спиритуальное – телесным, текучее – твердым; вода проникается огнем, воздух – землей...» Таким образом, четыре элемента утрачивают свою

специфику и в циркуляции превращаются один в другой. И чуть далее у Синезия: «В начале было единое. Все в магистерии исходит от единого и собирается в единое. Это и есть редукция элементов».

Виктор Гюго
Нотр-Дам де Пари
Перевод с французского Н. Коган

Эсмеральда

Мы счастливы сообщить нашим читателям, что во время всей этой сцены и Гренгуар и его пьеса держались стойко. Понукаемые автором, актеры без устали декламировали его стихи, а он без устали их слушал. Примирившись с окружающим гамом, он решил довести дело до конца и не терял надежды, что публика вновь обратит внимание на его пьесу. Этот луч надежды разгорелся еще ярче, когда он заметил, что Копеноль, Квазимодо и вся буйная ватага шутовского папы с оглушительным шумом покинула залу. Толпа жадно устремилась за ними.

– Отлично! – пробормотал он. – Все крикуны уходят.

К несчастью, «крикунами» была вся толпа. В одно мгновение зала опустела.

Собственно говоря, в зале кое-кто еще оставался. Это были женщины, старики и дети, пресытившиеся шумом и гамом. Иные бродили в одиночку, другие толпились около столбов. Несколько школяров все еще сидели верхом на подоконниках и оттуда глазели на площадь.

«Ну что же, – подумал Гренгуар, – и этих достаточно, чтобы послушать мою мистерию. Их, правда, мало, но зато публика избранная, образованная».

Однако через несколько минут выяснилось, что симфония, которая должна была произвести особенно сильное впечатление при появлении Пречистой Девы, не может быть исполнена. Гренгуар вспомнил, что всех музыкантов увлекла за собой процессия папы шутов.

– Обойдемся и без симфонии, – стоически произнес поэт.

Он приблизился к группе горожан, которые, как ему показалось, рассуждали о его пьесе. Вот услышанный им отрывок разговора:

– Мэтр Шенето, знаете ли вы Наваррский особняк, который принадлежал господину де Немуру?

– Да, против Бракской часовни.

– Так вот казна недавно сдала его внаем Гиль-ому Александру, живописцу, за шесть парижских ливров и восемь су в год.

– Однако, как растет арендная плата!

«Пустяки, – вздыхая, утешил себя Гренгуар, – зато остальные слушают».

– Друзья! – внезапно крикнул один из молодых озорников, примостившихся на подоконниках. – Эсмеральда! Эсмеральда на площади!

Это имя произвело магическое действие. Все, кто еще оставался в зале, повторяя «Эсмеральда! Эсмеральда!», бросились к окнам, подтягиваясь до подоконника, чтобы увидеть.

В это же время с площади донеслись громкие рукоплескания.

– Какая еще там Эсмеральда? – воскликнул Гренгуар, в отчаянии сжимая руки. – О боже мой! Теперь, как видно, пришла очередь глазеть в окна!

Обернувшись к мраморному столу, он увидел, что представление приостановилось. Как раз в этот момент надлежало появиться Юпитеру со своей молнией. А между тем Юпитер неподвижно стоял внизу у сцены.

– Мишель Жиборн! – раздраженно крикнул поэт. – Что ты там застрял? Твой выход! Влезай на сцену!

– Увы! – ответил Юпитер. – Какой-то школяр унес лестницу.

Гренгуар поглядел на сцену. Лестница действительно пропала. Нить между завязкой и развязкой пьесы была оборвана.

– Экий чудака, – пробормотал он. – Зачем же ему понадобилась лестница?

– Чтобы взглянуть на Эсмеральду, – жалобно ответил Юпитер. – Он сказал: «Стой, а вот и лестница, которая никому не нужна» – и унес ее.

Это был последний удар судьбы. Гренгуар принял его безропотно.

– Убирайтесь все к черту! – крикнул он комедиантам. – Если заплатят мне, я рассчитаюсь и с вами.

И он отступил, понутив голову, но отступил последним, как доблестно сражавшийся полководец.

Спускаясь по извилистым лестницам Дворца, Гренгуар ворчал себе под нос: «Какое скопище ослов и невежд эти парижане! Собрались, чтобы слушать мистерию, и не слушают! Им все интересно: Клопен Труйльфу, кардинал, Копеноль, Квазимодо и сам черт, но только не Пречистая Дева! Знай я это, показал бы я вам пречистых дев, ротозеи! А я-то? Пришел наблюдать, какие лица у зрителей, я увидел только их спины! Быть поэтом, а иметь успех, достойный какого-нибудь шарлатана, торговца зельями! Положим, что Гомер просил милостыню в греческих селениях, а Назон скончался в изгнании у московитов. Но черт меня подери, если я понимаю, что они хотят сказать этим «Эсмеральда». И что это за слово? Цыганское, верно!»

Из Харибды в Сциллу

В январе смеркается рано. Улицы были уже погружены во мрак, когда Гренгуар вышел из Дворца. Наступившая темнота была ему по душе; он спешил добраться до какой-нибудь сумрачной и пустынной улочки, чтобы поразмыслить там без помехи и дать философу наложить первую повязку на рану поэта. Впрочем, философия была сейчас его единственным прибежищем, ибо ему негде было переночевать. После блистательного провала его пьесы он не решался возвратиться в жилище, которое занимал на Складской улице, против Сенной пристани. Он уже не рассчитывал на вознаграждение за свою эпिताму, чтобы уплатить мэтру Гильому Ду-Сиру, откупщику городских сборов с торговцев скотом, квартирную плату за шесть месяцев, что составляло двенадцать парижских су, то есть ровно в двенадцать раз больше того, чем он обладал на этом свете, включая штаны, рубашку и шапку.

Остановившись подле маленькой калитки тюрьмы при Сен-Шапель и раздумывая о том, где бы ему выбрать место для ночлега, – а в его распоряжении были все мостовые Парижа, – он вдруг припомнил, что, проходя на прошлой неделе по Башмачной улице мимо дома одного парламентского советника, он заметил около входной двери каменную ступеньку, служившую подножкой для всадников, и тогда же сказал себе, что она при случае может быть прекрасным изголовьем для нищего или для поэта. Он возблагодарил Провидение, ниспославшее ему столь счастливую мысль, но, намереваясь пересечь дворцовую площадь, чтобы углубиться в извилистый лабиринт Ситэ, где вьются эти древние улицы-сестры, сохранившиеся и донныне, но уже застроенные девятиэтажными домами, – Бочарная, Старая Суконная, Башмачная, Еврейская и проч., – он увидел процессию папы шутов, которая тоже выходила из Дворца правосудия и с оглушительными криками, с пылающими факелами, под музыку неслась ему наперерез. Это зрелище разбредило его уязвленное самолюбие. Он поспешил удалиться. Его авторская неудача преисполнила душу такой горечью, что все, напоминавшее дневное празднество, раздражало его и заставляло кровоточить его рану.

Он направился было к мосту Сен-Мишель, но по мосту бегали ребяташки с факелами и шутихами.

– К черту все потешные огни! – пробормотал поэт и повернул к мосту Менял. На домах, стоявших у начала моста, были вывешены три флага с изображениями короля, дофина и Маргариты Фландрской и шесть маленьких флажков, на которых были намалеваны герцог Австрийский, кардинал Бурбонский, господин де Божё, Жанна Французская, побочный сын герцога Бурбонского и уже не знаю кто; все это было освещено факелами. Толпа была в восторге.

«Экий счастливец этот художник Жан Фурбо!» – подумал, тяжело вздохнув, Гренгуар и повернулся спиной к флагам и к флажкам. Перед ним расстилалась улица, достаточно темная и пустынная для того, чтобы там укрыться от праздничного гула и блеска. Он углубился в нее. Через несколько мгновений он обо что-то споткнулся и упал. Оказалось, что это был пучок ветвей майского деревца, который, по случаю торжественного дня, накануне утром судебские писцы положили у дверей председателя судебной палаты. Гренгуар стоически перенес эту новую неприятность. Он встал и дошел до набережной. Миновав уголовную и гражданскую тюрьмы и пройдя вдоль высоких стен королевских садов по песчаному, невымощенному берегу, где грязь доходила ему до щиколотки, он добрался до западной части Ситэ и некоторое время созерцал островок Коровий перевоз, который исчез ныне под бронзовым конем Нового моста. Островок этот, отделенный от Гренгуара узким, смутно белевшим в темноте ручьем, казался ему какой-то черной массой. На нем при свете тусклого огонька можно было различить нечто вроде шалаша, похожего на улей, где по ночам укрывался перевозчик скота.

«Счастливым паромщик, – подумал Гренгуар, – ты не гредишь о славе, и ты не пишешь эпиграмм! Что тебе до королей, вступающих в брак, и до герцогинь бургундских! Тебе неизвестны иные маргаритки, кроме тех, что щиплют твои коровы на зеленых апрельских лужайках! А я, поэт, освистан, я дрожу от холода, я задолжал двенадцать су, и подметки мои так просвечивают, что могли бы заменить стекла в твоём фонаре. Спасибо тебе, паромщик, мой взор отдыхает, покоясь на твоей хижине! Она заставляет меня забыть о Париже!»

Треск большой двойной петарды, внезапно послышавшийся из благословенной хижины, пробудил его от лирического экстаза. Это паромщик, получая свою долю праздничных развлечений, забавлялся потешными огнями.

От взрыва петарды мороз пробежал по коже Гренгуара.

– Проклятый праздник! – воскликнул он. – Неужели ты будешь преследовать меня всюду? Даже до хижины паромщика!

Взглянув на катившуюся у его ног Сену, он почувствовал страшное искушение.

– О, с каким удовольствием я утопился бы, не будь вода такой холодной!

И он принял отчаянное решение. Раз не в его власти избежать папы шутов, флажков Жеана Фурбо, майского деревца, факелов и петард, так не лучше ли пробраться к самому средоточию праздника и пойти на Гревскую площадь.

«По крайней мере, – подумал он, – мне достанется хотя бы одна головешка от праздничного костра, чтобы обогреться, и я смогу поужинать несколькими крохами от трех огромных сахарных кренделей в виде королевского герба, которые выставлены для народа в городском буфете».

Гревская площадь

Ныне от Гревской площади того времени остался лишь едва заметный след: это прелестная башенка, занимающая ее северный угол. Но и она почти погребена под слоем грубой штукатурки, облепившей острые грани ее скульптурных украшений, и вскоре, быть может, исчезнет совсем, затопленная половодьем новых домов, столь стремительно поглощающим все старинные здания Парижа.

Люди, которые подобно нам никогда не могут пройти по Гревской площади, не скользнув взглядом сочувствия и сожаления по этой бедной башенке, защемленной между двумя развалившимися постройками времени Людовика XV, легко воссоздадут в своем воображении ту группу зданий, в число которых она входила, и ясно представят себе старинную готическую площадь пятнадцатого века.

Она, как и теперь, имела форму неправильной трапеции, окаймленной с одной стороны набережной, а с трех других – рядом высоких, узких и мрачных домов. Днем можно было любоваться разнообразием этих зданий, покрытых резными украшениями из дерева или из камня и уже тогда являвших собой совершенные образцы всевозможных архитектурных стилей Средневековья от одиннадцатого до пятнадцатого века; здесь были и прямоугольные окна, начинавшие вытеснять стрельчатые, и полукруглые романские, которые в свое время были заменены стрельчатыми и которые наряду с последними еще продолжали украшать собой второй этаж старинного здания Роландовой башни на углу набережной и Кожевенной улицы. Ночью во всей этой массе домов можно было различить лишь черную зубчатую линию крыш, окружавших площадь цепью острых углов. Одно из основных различий между современными городами и городами прежними заключается в том, что современные постройки обращены к улицам и площадям фасадами, тогда как прежде они стояли к ним боком. Прошло уже два века с тех пор, как дома повернулись к улице.

Посередине восточной стороны площади возвышалось громоздкое, смешанного стиля строение, состоящее из трех вплотную примыкавших друг к другу домов. У него было три различных названия, объяснявших его историю, назначение и архитектуру: «Дом дофина», потому что в нем обитал дофин Карл V, «Торговая палата», потому что здесь помещалась городская ратуша, и «Дом с колоннами» (*domus ad piloria*), потому что ряд толстых колонн поддерживал три его этажа.

Здесь было все, что только могло понадобиться славному городу Парижу: часовня, чтобы молиться; зал судебных заседаний, чтобы чинить суд и расправу над королевскими подданными, и, наконец, арсенал, полный огнестрельного оружия. Горожане Парижа знали, что молитва и судебная тяжба далеко не всегда являются надежной защитой городских привилегий, и потому имели про запас на чердаке городской ратуши некоторое количество ржавых аркебуз.

Уже и в те времена Гревская площадь производила мрачное впечатление, возникающее и сейчас вследствие ужасных воспоминаний, которые с ней связаны, а также при виде угрюмого здания городской ратуши Доминика Бокадора, заменившей «Дом с колоннами». Надо сказать, что виселица и позорный столб, «правосудие и лестница», как говорили тогда, воздвигнутые бок о бок посреди мостовой, отвращали взор прохожего от этой роковой площади, где столько цветущих, полных жизни людей испытали смертные муки и где полвека спустя родилась «лихорадка Сен-Валье», вызываемая ужасом перед эшафотом, – самая чудовищная из всех болезней, ибо ее насылает не Бог, а человек.

Утешительно думать, заметим это мимоходом, что смертная казнь, которая еще триста лет тому назад своими железными колесами, каменными виселицами, всевозможными орудиями пыток загромождала Гревскую площадь, Рыночную площадь, площадь Дофина, перекре-

сток Трагуар, Свиной рынок, этот гнусный Монфокон, заставу Сержантов, Кошачий рынок, ворота Сен-Дени, Шампо, ворота Боде, ворота Сен-Жак, не считая бесчисленных виселиц, поставленных прево, епископами, капитулами, аббатами и приорами, – всеми, кому было предоставлено право судить; не считая потопления преступников в Сене по приговору суда, – утешительно думать, что эта древняя владычица феодальных времен, утратив постепенно свои доспехи, свою пышность, замысловатые, фантастические карательные меры, свою пытку, для которой каждые пять лет переделывалась кожаная скамья в Гран-Шатле, ныне, травимая из уложения в уложение, гонимая с места на место, почти исчезла из наших законов и городов и владеет в нашем необъятном Париже лишь одним опозоренным уголком Гревской площади, лишь одной жалкой гильотиной, прячущейся, беспокойной, стыдящейся, которая, нанеся свой удар, так быстро исчезает, словно боится, что ее застигнут на месте преступления.

Besos para golpes³

Пока Пьер Гренгуар добрался до Гревской площади, он весь продрог. Чтобы избежать давки на мосту Менял и не видеть флажков Жеана Фурбо, он шел сюда через Мельничий мост; но по пути колеса епископских мельниц забрызгали его грязью, и камзол его промок насквозь. Притом ему казалось, что после провала его пьесы он стал еще более зябким. А потому он поспешил к праздничному костру, великолепно пылавшему посреди площади. Но его окружало плотное кольцо людей.

– Проклятые парижане, – пробормотал Гренгуар. Как истый драматург, он чувствовал пристрастие к монологам. – Теперь они загораживают огонь, а ведь мне так необходимо хотя бы немножко погреться. Мои башмаки протекают, да еще эти проклятые мельницы пролили на меня слезы сочувствия! Черт бы побрал парижского епископа с его мельницами! Хотел бы я знать, на что епископу мельницы? Уж не надумал ли он сменить епископскую митру на колпак мельника? Ежели ему для этого не хватает только моего проклятия, то я охотно прокляну и его самого, и его собор, вместе с его мельницами! Ну-ка, поглядим, сдвинутся ли с места эти ротозеи! Спрашивается, что они там делают?! Они греются – наилучшее из удовольствий! Они глазят, как горит сотня вязанок хвороста, – наилучшее из зрелищ!

³ Поцелуй за удары (исп.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.